

ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

ПРОТОДИАКОН С. А. ГОЛУБЦОВ

МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ В РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД (1917–1918)¹

1. ПОСЛЕДНИЕ ДВА УЧЕБНЫЕ ГОДА В ТРОИЦЕ- СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЕ

1. МДА в 1917/18 уч. году

Приближался новый учебный год. На основании циркулярного Указа Св. Синода от 10 августа 1917 года Советом было решено начать учебный год 1 сентября и закончить первое полугодие к 1 ноября, возобновить учебу 12 марта и закончить к 10 июня 1918 г.² Однако 25 августа во «Всероссийском церковно-общественном вестнике» от Совета МДА было помещено следующее уточнение и извещение:

Учебные занятия начнутся 4 сентября... Ввиду исключительных обстоятельств (занятие части академии офицерской школой и пр.) общежитие при Академии в 1917/18 уч. году будет функционировать лишь частично;

¹ Данная статья является извлечением из не опубликованного полностью труда протоиерея Сергея Голубцова († 1 августа 2006 г.) «Московская Духовная Академия дореволюционного периода. Т. 1. Ч. 2. Уставы. Жизнь и научная деятельность профессуры в Академии и вне ее» (С. 196–236). За предоставление данного тома, отсутствующего в библиотеке МДА, приносим искреннюю благодарность младшему брату почившего Н. А. Голубцову.

² Решением Совета от 21 августа было определено принять увеличенное число студентов на 1-й курс (в связи с намерением Синода увеличить число воспитанников в каждой Академии до 600 чел.): 96 семинаристов, из них 36 — второго разряда; и еще 12 выпускников из светских средних учебных заведений. Среди последних был и Сергей Волков, оставивший замечательные воспоминания об Академии (*Волков 1964*).

именно: казеннокоштным студентам будет предоставлено в Академии помещение с отоплением, освещением и небольшим штатом прислуги; питание столом они должны будут организовать сами на артельных началах, при содействии Правления и эконома, причем стипендии за осенние месяцы будут им выданы в два срока: в начале сентября и в начале октября (каждый раз по 36 р. 70 коп., т. е. по расчету за два месяца). Все прочие студенты имеют помещаться на частных квартирах в Сергиевом Посаде.

А указом Св. Синода от 2 октября 1917 г. было разрешено перейти в Московскую духовную академию некоторым студентам Петроградской духовной академии, ввиду тяжелых обстоятельств желающим продолжать обучение в Московской академии (с согласия Правления этой Академии и по просьбе Петроградской) при условии получать стипендии на руки и жить на частных квартирах. При этом оценки, полученные в этих академиях, будут считаться действительными и в Петроградской академии, где занятия планировалось начать лишь 1 ноября (начались же 17 ноября на 2—4 курсах³).

Учебный год начался 3 сентября 1917 г., отслужили молебны (сначала в академическом храме, затем — перед мощами прп. Сергия), а уже через неделю 10 сентября на заседании Совета под руководством исполнявшего с 1 мая обязанности ректора архим. Илариона происходили выборы нового ректора сроком на 5 лет. Был избран проф. А. П. Орлов⁴, обладавший мягким, покладистым характером, что удовлетворяло чаяниям обоих течений (радикального, возглавлявшегося теперь Та-

³ См.: ВЦОВ 146. С. 3.

⁴ Вероятно, наиболее желательной, особенно для монашествующих, кандидатурой на пост Ректора был архим. Иларион, но, по словам С. Волкова, одно обстоятельство помешало этому, так как будучи еще инспектором, он взял из жалости к себе в келейники одного несчастного парнишку, чуть ли не односельчанина, по имени «Васька», который оказался весьма недостойным этого положения, поскольку был пьяница, сквернослов и распутник и нещадно обкрадывал Илариона, а «тот, по своей доброте, все терпел, а добр Иларион был исключительно. Я редко потом встречал столь добрых до самозабвения людей, — вспоминает С. А. Волков (см.: Волков 1964. С. 376—378). — Глаголев говорил мне впоследствии, что из-за Васьки Иларион не был избран Ректором Академии после удаления еп. Феодора. Васька надеялся на это избрание. Ходил по ректорской квартире после отъезда еп. Феодора в сопровождении своих

реевым, и консервативного, лидером которых раньше был архим. Феодор), которые надеялись перетянуть его со временем на свою сторону.

Анатолий Петрович Орлов (25 марта 1879 — позднее 1946 г.?) — сын многодетного священника Ярославской епархии, Даниловского уезда, села Рыбниц, расположенного на Волге, километрах в 30-ти от Ярославля (вниз по течению).

Окончил в Ярославле Духовное училище и Семинарию и прислан в Московскую академию, которую окончил в 1904 г. первым магистрантом, написав кандидатскую работу («Учение св. Иларию Пиктавийского о Святой Троице»), высоко оцененную И. В. Поповым⁵. Оставленный профессорским стипендиатом, он продолжал разрабатывать свою тему и этому посвятил свой стипендиатский отчет. В сентябре 1905 г. после пробных лекций он занял вакантную кафедру Истории и разбора западных исповеданий, по которой до него временно продолжал читать ушедший за штат в 1904 г. проф. В. А. Соколов. В июне 1908 г. Орлов успешно защитил магистерскую работу на ту же тему («Тринитарные воззрения...»). С 31 августа 1909 г. выехал в Германию на год «для живого знакомства с духовным строем характеризуемых (им на лекциях. — С. Г.) конфессиональных обществ, при наблюдении их жизни, богослужения, проповеди, церковно-просветительной деятельности, а также для прослушивания курсов по их богословию в Берлинском и Мюнхенском Университетах», — как сказано в его прошении о командировке.

О его личности и о его лекциях, к сожалению, не осталось воспоминаний. Очевидно, и то и другое не особенно выделялось над средним уровнем.

Относительно компромиссного в характере А. П. Орлова мы можем напомнить историю с голосованием за кандидатуры И. М. Громогла-

прихлебателей и намечал, что и как он в ней устроит, когда Иларион будет ректором. Слухи об этом разнеслись по всей Академии, и профессора пришли в ужас при мысли, что в случае ректорства Илариона Васька будет обворовывать не только личные доходы Илариона... Поэтому Иларион и не был избран ректором, хотя почти все профессора не только глубоко уважали, но и любили его...»

Другой кандидатурой — для профессоров левого крыла — был профессор М. М. Тареев. Сошлись на компромиссе — А. П. Орлове.

⁵ ЖС МДА за 1904 г. // БВ. 1905. Т. 1. № 3. С. 129–134 (4-я пагин.).

сова и Н. Д. Кузнецова в 1911 г. при еп. Феодоре. А. П. Орлов подал свой голос за обоих.

Научных трудов у него не много, и они небольшие, но требовали, конечно, работы богословской мысли — это статьи о христологии Илария Пиктавийского⁶, Оригена, о сотериологии Ансельма Кентерберийского⁷ и Петра Абеляра⁸ (в 1915 и 1916 г.), а также перевод с французского «Истории древней Церкви» Л. Дюшена⁹ — совместно с И. В. Поповым¹⁰.

А. П. Орлов был семейным человеком, имел трех сыновей (1910, 1913 и 1914 г. рождения), из которых младший скончался в 1917 г., с остальными его супруга выехала по причине голода из Посада в Тамбовскую губернию в конце осени 1918 г. или в начале 1919 г., куда выехал и сам А. П. Орлов на 2-х месячный отпуск¹¹ 2/15 января 1919 г., вернувшись, однако, лишь 15 апреля.

Через месяц он был назначен настоятелем московской Троицкой на Арбате церкви¹² с сохранением ректорства в Академии. На обоих постах он был очевидно лишь до 1922 г., так как в этом году кончался срок

⁶ Орлов А. П. Христология Илария в связи с обзором христологических учений II–IV вв. СПб, 1909. Богословию свт. Иларию посвящена также работа А. П. Орлова «Тринитарные воззрения Илария Пиктавийского» (СП, 1908). — *Ред.*

⁷ Орлов А. П. Сотериология Ансельма Кентерберийского. СПб, 1915. — *Ред.*

⁸ Орлов А. П. Сотериология Петра Абеляра (в связи с антропологическими его воззрениями) // БВ. 1916. Т. 1. № 3/4. С. 537–550 (2-я пагин.); Т. 2. № 5. С. 74–94 (3-я пагин.); № 6. С. 253–274 (2-я пагин.); 1917. Т. 1. № 1. С. 77–113 (2-я пагин.). — *Ред.*

⁹ Дюшен Л. История Древней Церкви / Пер. с 5-го франц. изд. под ред. проф. И. В. Попова и проф. А. П. Орлова. Т. 1. М., 1912. — *Ред.*

¹⁰ Ему же, очевидно, принадлежит труд о св. Иларии Пиктавийском, опубликованный в «Богословских трудах» № 4–7 в 1970-х годах. (В «Богословских трудах» данное сочинение приписано проф. И. В. Попову: Попов И. В. Св. Иларий, епископ Пиктавийский // БТ 4. 1969. С. 127–168; Он же. Св. Иларий, епископ Пиктавийский (учение Илария в сочинениях, написанных во время ссылки и после нее) // БТ 5. 1970. С. 69–151; Он же. Св. Иларий, епископ Пиктавийский // БТ 6. 1971. С. 117–150; Он же. Св. Иларий, епископ Пиктавийский // БТ 7. 1971. С. 115–169. — *Ред.*)

¹¹ ЦГИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5143. Л. 29.

¹² Там же.

его выборного ректорства в Академии, а по храму — он был привлечен к процессу по делу об изъятии церковных ценностей. О последующих годах жизни нет документальных сведений. По рассказам очевидцев тех лет, в конце 20-х гг. он был настоятелем, якобы, храма Казанской иконы Божией Матери, что на большой Калужской площади, в 1932–1934 гг. — в храме Иоанна Воина на Якиманке, в 1936 г. — в Кашире, и будто его видели¹³ в Воронежской епархии в 1946 г.¹⁴ ... Возвратимся, однако, к 1917 г.

5 октября ректор был рукоположен в диакона, 8-го — во священника, 9-го — возведен в сан протоиерея.

29 октября состоялось избрание на 4 года помощника ректора, как теперь стал именоваться инспектор. Таковым (19-ю голосами «за», 2-мя «против») был избран о. архим. Иларион («почти единогласным избранием»¹⁵), 17 октября сложивший с себя эту обязанность как наложенную на него распоряжением свыше еще в 1913 г., когда он был назначен инспектором.

Из других событий внутриакадемической жизни наступившего полугодия отметим, что 1 октября 1917 г. был торжественно отпразднован

¹³ По словам Ариадны Александровны Шостыной, ездившей туда и разговорившей там с одним священником на академические темы. Священник сказал, что незадолго перед этим Орлов куда-то выехал оттуда.

¹⁴ Только в 1991 г. от иеромонаха Дамаскина Орловского, занимающегося выяснением судеб репрессированного духовенства по архивам КГБ, стало известным, что в 1922 г. приговоренный к расстрелу о. Анатолий был действительно помилован и приговорен к пяти годам строгой изоляции. Но уже в 1924 году он вновь арестовывается за участие в собрании московских католиков (абрикосовцев) и осуждается на три года высылки. 15 апреля 1931 г. он был вместе с другими лицами опять арестован и по обвинению в антисоветской пропаганде 8 апреля выслан в Северный край (в Котлас) вместе с выпускником МДА 1900 г. прот. Ф. Н. Алексинским (служил в Страстном монастыре до 1928 г., затем в церкви Знамения в Каретном, затем в Подмосковье), с церковным композитором священником Г. Я. Извековым, прот. Александром Леонтьевичем Соболевым. Последний арест А. П. Орлова последовал в сентябре 1937 г. в Тарусе; в это время он служил неподалеку в с. Кузьмищево на Оке. По решению Тройки НКВД Тульской области от 9 декабря 1937 г. по ст. 58-Ю он был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян 21 декабря того же года (*Голубцов С., прото-диак. МДА дореволюционного периода. Т. 2. С. 304а*).

¹⁵ И. В. [*Попов И. В.*] Живая жизнь. В Академии // БВ. 1917. Т. 2. № 10–12. С. 434 (2-я пагин.).

годовой акт с участием святителей: Тихона Московского, Арсения Новгородского (бывшего ректора МДА) и Серафима Орловского (Остроумова), участвовавших в богослужении¹⁶.

На акте проф. М. М. Богословский прочел речь на тему «Реформа духовной школы при Александре I и основание МДА 1-го октября 1814 г.». Официальная часть была завершена музыкальной. Хором студентов были исполнены «С нами Бог» знаменного распева (Кастальского), «Се ныне благословите Господа» (Ипполитова-Иванова), «Срадуются с нами» В. Д. Металлова (помощника проректора Академии).

18 и 19 ноября (ст. ст.) по случаю 50-летия со дня кончины московского митрополита Филарета состоялись в Академии торжественное богослужение и акт, на котором присутствовал и нареченный патриарх Тихон¹⁷ с сонмом святителей¹⁸. Патриарху был преподнесен диплом

¹⁶ 1 октября 1917 г. А. Д. Беляев отметил в своем дневнике: после службы — чай в комнатах ректора с конфетами, но сахару — немного и белый ситный хлеб — маленькими ломтиками. Затем в актовом зале блестящая речь М. М. Богословского (подготовленная еще к несостоявшемуся юбилею в 1914 году, а затем несколько им доработанная, «но нового в ней нет ничего», по замечанию А. Д. Беляева), законченная при сдержанных рукоплесканиях и пением «С нами Бог». После акта — обед (различная рыбная закуска, пирог — «полубелый, закладный, не чета прежним пышным пирогам. Суп — без мяса, легкий; вареная курица с картофелем; пирожное — сливочное, фрукты, вина не было»). За обедом два раза говорил новый ректор, выражая надежду на нравственную связь с новым Московским митрополитом и на его помощь Академии (очевидно, в субсидии на издание журнала). Митрополит отвечал и обещал просьбу выполнить. Речь Глаголева о том, что задачей Академии было провозглашение Евангелия, А. Д. Беляев, относившийся к нему отрицательно, назвал невразумительной и нелогичной.

Хорошую, ясную и четкую речь произнес В. А. Соколов — о достоинствах прежней Академии, которые надо беречь (преданность науке, чистой христианской вере, взаимное доверие и доброжелательность, внимание преподавателей к учащимся). Профессор Казанской духовной академии И. М. Покровский рассказал о том, как Е. Е. Голубинский учил его работать с архивами, высказал уважение к А. В. Горскому, Филарету Черниговскому и другим, назвал Казанскую академию дочерью Московской. Далее митрополит Тихон произнес слово на тему: «Род приходит и род проходит, земля же пребывает. Меняются люди, поколения, уставы и направления, а Академия пребывает». Митрополит Арсений рассказал о своем служении в Академии, отметил, что впервые на академическом обеде присутствуют жены преподавателей.

¹⁷ Митрополит Московский Тихон был выбран в Патриархи после Литургии и молебна в храме Христа Спасителя 5/18 ноября 1917 г. посредством жребия, вытянутого

почетного члена Академии и приветственное поздравление от корпорации. Были заслушаны выступления о значении митрополита Филарета для МДА (А. П. Орлов), для богословия (М. М. Тареев), для библиистики (Д. И. Введенский) и о его личности (А. Д. Беляев).

За отводом с начала отчетного 1917/18 уч. г. части академических зданий¹⁹ для размещения сокращенных офицерских курсов Военной электротехнической школы, эвакуированных из Петрограда²⁰, закрытием по этой и другим, чисто экономическим, причинам общегитития для казеннокоштных студентов и полупансионеров, переходом значительной части дел (по воспитательной части) в ведение академического Совета и, наконец, за занятием с половины марта месяца 1918 г. поч-

Зосимовским старцем иеромонахом Алексием (Соловьевым) из 3-х записок с именами кандидатов — Тихона, Антония (Храповицкого) и Арсения (Стадницкого), — предварительно избранных Поместным Собором большинством голосов 31 октября путем 3-х голосований. 1-м кандидатом был выбран Антоний — 159 голосов из 304 присутствовавших, 2-м был избран Арсений — 199 голосов (при 2-м голосовании Антоний был уже исключен из списков), 3-м — Тихон — 162 голоса (когда первые двое были исключены из списка).

7 ноября нареченный патриархом Тихон выехал в Лавру и был там до 20 ноября. 21 ноября в Успенском соборе Кремля была совершена интронизация нареченного Тихона в «Патриарха Московского и всея России» по специально разработанному чину (см.: ВЦОВ 143. 1917 от 13 ноября).

¹⁸ Под святителями протодиака. С. Голубцов подразумевает архиереев. — *Ред.*

¹⁹ Подобное ущемление было уделом большинства духовно-учебных заведений. Как свидетельствует один документ (см.: ЦГИАМ. Ф. 802. Оп. 17. Д. 18), по состоянию на 30 июня 1917 г. из общего числа 59 духовных семинарий 40 было занято военно-медицинскими учреждениями, из 185 духовных училищ занято было 60, из 74 епархиальных училищ занято 25. В связи с этим Учебный комитет ставил вопрос о прекращении занятий.

²⁰ Занятия помещений Академии «Сокращенными офицерскими курсами» (заведующий — капитан Каклюгин) Петроградской Офицерской электротехнической школы началось в августе 1917 г. (23 августа комиссар Сергиева Посада П. Королев дает письменное предписание освободить для этой школы инспекторский корпус и 4 комнаты и аудитории со ссылкой на отношение Московского губернского распорядительного комитета от 22 августа 1917 г. и на циркуляры Главного Штаба 1914 г. № 201 и приказа МВО № 881 1915 г.) (подробнее: НИОР РГБ. Ф. 172. К. 127. Ед. хр. 4).

В январе 1918 г., как отмечал А. Беляев, в Академии жили всего около 20 студентов (в 21-м номере под инспекторской квартирой, в больнице, в канцелярии и несколько человек — на квартирах). С нового года в Академии пищу себе готовили только

ти всех академических помещений Центральным военно-техническим управлением (переименованным впоследствии в «Главное военно-инженерное управление») работа Правления Академии, сократившись в своем объеме, приняла в отчетном году совершенно особый характер сравнительно с годами предшествующими. В 1917 г. главной заботой академического Правления стало изыскание средств на выдачу жалования и пенсий членам академической корпорации, на содержание студентов, низших служащих и оставшихся в распоряжении Правления Академии зданий²¹.

В 1917/18 уч. г. Советом Академии был введен в действие новый учебный план, утвержденный Синодом в 1917 г., согласно которому число общеобязательных предметов сокращалось, при этом они должны были изучаться на первых двух курсах. На старших курсах читались лишь специальные предметы по 5 группам: 1) библейской, 2) богословско-философской, 3) церковно-исторической, 4) богословско-словесной, 5) церковно-практической²².

Начало 1918 г. было ознаменовано событиями особой важности. 21 января (ст. ст.) был опубликован декрет об отделении Церкви от государства и от школы. Относительно духовно-учебных заведений было постановлено отобрать их здания и предоставить гражданским школам.

электротехники, отказавшие с 1 января в продовольственной помощи студентам из-за нехватки припасов (см.: НИОР РГБ. Ф. 26. К. 4. Ед. хр. 7. Л. 1).

В первой декаде марта свободные еще помещения Академии (актовый зал, комнаты ректора) занял, по словам Беляева, приехавший из Петрограда штаб Электротехнической школы (или курсов).

В Академии иногда не бывало нефти, и электрика не работала, и все здания погружались во тьму. А с ноября 1918 г. при входе в Академию было повешено красное полотно с белыми буквами: «Электротехнические курсы Красной Армии».

²¹ Подробнее о финансовом положении Академии см.: Голубцов *см.*: Голубцов 1982. По вопросу состояния духовных академий планировалось на 28 декабря 1917 г. Собрание делегатов духовных академий при Петроградской духовной академии, отложенное на 7 января 1918 г. (ст. ст.); но неизвестно, состоялось ли оно. Туда были избраны от МДА: архим. Иларион, э.-орд. профессора: Н. Л. Туницкий, Ф. М. Россейкин и В. П. Виноградов.

²² Новый учебный план и проект расписания лекций был обсужден в начале сентября на Совете, и замечания Совета были направлены в Отдел Церковного Собора, занимавшийся духовными академиями (см.: Отчет МДА за 1917/18 уч. год. С. 6–7).

В ответ на это группа членов Собора, в числе которых были профессор Н. Д. Кузнецов и А. Д. Самарин, бывший ранее обер-прокурором, обратились с протестом в соответствующие правительственные органы. В ответ народный комиссар Елизаров заявил, что «Совет комиссаров» вовсе не имел в виду нанести какой-либо вред Церкви, а хотел лишь отделить ее от государства и что декрет может быть изменен, поскольку эти изменения не будут противоречить принципам отделения²³.

В первом полугодии 1918 г., как следует из вышесказанного, лекции начались 12 марта²⁴. Вторая сессия (для не успевших сдать предметы в 1-ю сессию по тем или иным причинам) имела место с 31 июня по 4-ое августа 1918 г.

Семестровые сочинения студенты представляли лично или присылали по почте до начала 1918/19 уч. г. Все студенты IV курса (за исключением 2-х оставленных на второй год и одного безвестно отсутствовавшего) сдали выпускные испытания и получили степень кандидата (20 человек) и звание действительного студента (9 человек). Студенты первых трех курсов, хотя в большинстве своем (60 %) и сдали устные испытания, но не смогли представить всех письменных работ

²³ Церковные ведомости 1918. № 78. Статья «Депутация Собора у народных комиссаров».

²⁴ С. А. Волков пишет, что «регулярно читались лекции, студенты писали семестровые и кандидатские сочинения».

Ранее, в конце сентября 1917 г., по просьбе студентов из опасения потери помещения Академии Совет решил закончить учебный год к 15 января 1918 г., но очевидно, что опасность миновала и учебные занятия возобновились в марте.

Еще 29 октября (1917 г.) было заслушано уже 2-ое по счету прошение всех студентов не делать зимнего перерыва 1917/18 уч. г., а закончить весь учебный год уже в половине декабря. Студенты мотивировали свое заявление нарастающими трудностями продовольственного снабжения, транспортного сообщения и проблемами общежития при занятии Академии офицерской школой. Совет соглашался с ними, но ввиду ожидания дополнительных субсидий со стороны митрополита и Синода на ноябрь-декабрь не мог дать окончательного ответа. Даже когда митрополит Тихон поддержал ходатайство Совета, Московская Консистория еще медлила санкционировать отпуск сверхсметных ассигнований из подведомственных ей церковных учреждений. Академия, как сообщил Ректор, вынуждена была занять 25 000 руб. под вексель у сергиево-посадского купца Гавриила Васильевича Когтева сроком на 3 месяца из расчета 9% годовых. Из этой суммы было выдано содержание служащим Академии за октябрь и авансом студентам за январь и февраль 1918 г. (см.: ЖС МДА за 1918 г. НИОР РГБ. Ф. 172. К. 47. Ед. хр. 1).

(по 2 письменные работы на этот год) и потому решением Совета от 7 (20) августа 1918 г. были «условно» переведены на следующие курсы с обязательством сдать задолженности в 1918/19 уч. г.

Окончили в 1918 г. по первому разряду:

1. Свящ. Соловьев Сергей Михайлович,
2. Соколов Николай,
3. Иеромонах Вассион (Пятницкий),
4. Свящ. Трубачев Зосима,
5. Свящ. Залевский Николай,
6. Орлов Сергей,
7. Свящ. Розов Константин,
8. Свящ. Теологов Василий,
9. Введенский Николай,
10. Иеромонах Панкратий (Гладков),
11. Свящ. Введенский Димитрий,
12. Садилов Николай (сдал осенью 1918 г.²⁵).

По второму разряду:

13. Свящ. Поликарпов Валентин,
14. Зубарев Павел,
15. Иванов Павел,
16. Свящ. Стрекалов Николай,
17. Ильинский Николай,
18. Шамилов Филипп,
19. Свящ. Кораблев Павел,
20. Иеродиакон Гавриил (Мануйлов), болгарин.

Действительными студентами:

21. Свящ. Базилевский Николай,
22. Белтов Николай,
23. Вижевский Димитрий,
24. Свящ. Киселев Пимен,
25. Копылов Евгений,

²⁵ ЖС МДА № 8 за 1918 г.

26. Ломакин Николай,
27. Свящ. Окунев Тихон (утв. 20.08),
28. Свящ. Порубин Михаил,
29. Шувалов Павел.

На 2-й год оставлены:

30. Кедров Александр (не явился осенью для сдачи экзамена),
31. Свящ. Расторгуев Андрей — согласно прошению²⁶.

2. МДА в 1918/19 уч. году

В 1918/19 уч. г. ожидалось крупные изменения в духовных академиях, так как вопрос о реформе духовно-учебных заведений обсуждался в V отделе Предсоборного Присутствия и на Соборе 1917–1918 г. Собором был одобрен новый Устав Академий²⁷, и определением от 7 (20) апреля 1918 г. было предоставлено ВЦУ ввести его в действие с начала 1918/19 уч. г., но, как показали события, он не смог быть не только введен, но и напечатан.

25 июня был издан Указ Ректору Московской духовной академии о правилах приема в число студентов на 1918/19 уч. г.²⁸

Святейший Патриарх и Священный Синод в соединенном присутствии с Высшим Церковным Советом имели суждение... Постановлено: 1) ...принимаются воспитанники, окончившие курс православных духовных семинарий как по первому, так и по второму разряду без поверочных испытаний; 2) ...воспитанники, окончившие лишь 4 класса духовных семинарий, и выпускники средних светских учебных заведений принимаются лишь по сдаче поверочных испытаний по предметам, определяемым Советом Академии; 3) ...не изучавших в средней школе древних языков обязать сдать экзамен по ним в течение первого года обучения.

Указ подписали: митрополит Агафангел
за секретаря — А. Полянский.

²⁶ См.: ЖС МДА № 7 и № 8 за 1918 г. (НИОР РГБ. Ф. 172. К. 48. Ед. хр. 8. Л. 39–40 и др.); Отчет МДА за 1917/18 уч. г. С. 18–19.

²⁷ См.: Церковные Ведомости. 1918. № 7–8.

²⁸ ЦГИАМ. Ф. 229. Оп. 3.

На обороте Указа (то есть его экземпляра, поступившего в МДА) карандашом намечены предметы испытаний и члены, очевидно, приемной комиссии, принимающие испытания:

...*Письменные*: основное богословие (на общеподготовительную тему): С. С. Глаголев, о. П. А. Флоренский; история русской литературы: Н. Л. Туницкий, о. И. Смирнов.

Устные: 1) по церковной истории — общей и русской (в объеме гимназического курса), для семинаристов — из общей церковной истории по программе духовных семинарий — отделы о гонениях на христиан и история Вселенских Соборов; 2) по веро- и нравовоспитанию (в объеме гимназических курсов) и основному богословию (по семинарской программе).

1) о. Ректор, о. Д. А. Лебедев, Н. И. Серебрянский.

2) М. М. Тареев, В. Н. Страхов, А. М. Туберовский.

Вопросы предстоящего нового учебного 1918/19 года были рассмотрены Советом на заседании 13/26 июня 1918 г.

I. Совет постановил:

1. Произвести приемные испытания для воспитанников, окончивших только 4 класса духовных семинарий или окончивших средние учебные заведения, в период с 31 июля по 4 августа (ст. ст.) (с 13 по 17 августа н. ст.) по следующим предметам:

а) письменно — по основному богословию и истории русской литературы;

б) устно (для семинаристов) — по основному богословию и общей церковной истории (гонение на христиан и Вселенские Соборы);

в) устно (для светских) — по веро- и нравовоспитанию и по церковной истории — общей и русской.

2. Без поверочных испытаний принять выпускников семинарий по 1-му и 2-му разрядам согласно указу Св. Синода от 12/25 июня (№ 1749).

3. Представление внутриакадемической Комиссии о студентах, возвращающихся в Академию из армии, с перечнем мер (в том числе и чтений лекций в утренние и вечерние часы), чтобы эти студенты могли ускоренно

(на 1 год раньше) закончить курс, то есть взятые с 1-го курса могли окончить Академию за 3 года, и т. д.²⁹.

II. Совет определил ходатайствовать перед Синодом об утверждении свящ. И. М. Смирнова в должности э.-орд. профессора согласно единому согласному избранию его в эту должность членами Совета.

III. Отказать в необоснованной просьбе прот. Василию Васильеву утвердить его в степени магистра за сочинение «История канонизации русских святых» (М., 1893 г.), рассмотренное Е. Голубинским и В. Ключевским (см. отзывы за 1 и 2 марта 1894 г.) и прошедшее удовлетворительную защиту 4 декабря 1894 г., но оставленное без исправлений, рекомендованных рецензентами, по причине далекой от центров службы автора и потому, что в 1897 г. Е. Голубинский защитил одноименную работу³⁰.

Среди принятых в Академии осенью 1918 г. отметим категорию окончивших ранее высшие учебные заведения в количестве 9 человек: Болдескул Константин, Вишневицкий Александр, Дурылин Сергей — известный искусствовед впоследствии, Козлов Александр, Костылев Сергей, Олсуфьев Георгий, Страхов Петр, Токарев Николай, Чернохостов Борис.

Среди принятых 25 семинаристов-перворазрядников было 9 из МДС и среди них иеродиакон Аристоклий, вероятно тот самый, который вскоре стал иеромонахом Пантелеимоновского подворья, известным духовником. Тогда же было принято еще 11 второразрядников и 9 окончивших 4–5 классов семинарии. Всего 54 человека. Но, как сказано в журнале Совета № 10 от 10/23 сентября, это был результат 2-ой секции поверочных испытаний. Однако среди просмотренных документов нет списка принятых в результате 1-й сессии.

Ввиду того, что для чтения лекций едва удалось освободить лишь четыре небольшие комнаты в разных корпусах, что в распоряжении

²⁹ 13/26 июня 1918 г. было рассмотрено прошение почти 30 студентов, состоявших на службе в армии, об обратном приеме студентов 70–76 курсов. Среди них значится и Петр Голубцов 74 курса. Тогда же были приняты студенты Киевской духовной академии — Николай Кожевников на 2 курс, студент Казанской духовной академии Петр Енишин — на 1 курс. 13 октября (н. ст.) зачислено еще 5 студентов из армии.

³⁰ НИОР РГБ. Ф. 172. К. 48. Ед. хр. 8. Л. 33.

Правления имелся лишь небольшой запас дров на зимние месяцы, и тяжелых бытовых условий студентов, в большинстве своем размещенных на частных квартирах в Посаде, Совет определил 7/20 августа сократить 1918/19 уч. г. таким образом, что:

- а) чтение лекций начать с 9 (22) августа³¹, а закончить к 1 (14) ноября;
- б) выпускные (устные) и переводные экзамены закончить не позднее 1 (14) декабря;
- в) для чтения лекций выделить не только утренние (с 9-ти до 2-х часов), но и вечерние (с 4-х до 9-ти), а для профессоров, занятых на Соборе — и в воскресные дни с 11.30 до 2-х часов дня;
- г) студентам I—III курсов назначить лишь по 2 семестровых сочинения к 25 сентября и 1 ноября (ст. ст.);
- д) сроком подачи курсового сочинения назначить 15 (28) апреля 1919 г.

Тогда же приняты еще 5 студентов, демобилизованных из армии³².

1 сентября³³ начался новый учебный 1918/19 год³⁴ в стесненных обстоятельствах не только со стороны бюджета, но и в буквальном смысле, так как уже значительная часть Академии была занята посторонней организацией³⁵, отношения с которой были вполне терпимыми.

В распоряжении Академии вскоре остались лишь «Чертоги», храм, правое крыло инспекторского корпуса; в больничном корпусе больница

³¹ С. А. Волков, писавший свои воспоминания через несколько лет, не совсем точно передает дату начала занятий и степень стесненности со стороны Электротехнических курсов.

³² См.: ЖС МДА № 8 за 1918 г. НИОР РГБ. Ф. 172. К. 48. Ед. хр. 8.

³³ Это по С. А. Волкову, а по документам: с 31 июля приемные испытания, с 22 августа (н. ст.) — лекции.

³⁴ Далее следует краткая хроника событий академической жизни в освещении, главным образом, со стороны С. А. Волкова и архивных документов.

³⁵ С. А. Волков указывает лишь об изъятии 4-го этажа из ведения Академии, тогда как Отчет МДА за 1917/18 уч. г. сообщает, что часть академических зданий была отведена Военной электротехнической школе еще в начале 1917/18 уч. г., а в марте 1918 г. почти все академические здания были уже заняты Центральным военнотехническим управлением. Электротехническая школа (по другим данным, бывшая офицерская) была эвакуирована из Петрограда в начале 1918 г. Она же еще называлась Электротехническим отделом советской Высшей инженерной школы.

и аптека помещались внизу, а верх был занят Д. В. Рождественским, В. Д. Металловым и некоторыми студентами.

По плану, представленному о. Ректором Высшему Церковному Управлению, учебный год должен был начаться 31 июля ст. ст. производством приемных испытаний, с 9 августа предполагалось начать чтение лекций, к каковому сроку «все профессора Академии, рассыпавшиеся по разным концам России в поисках более сносных <условий> для скромного профессорского бюджета существования, возвратятся к месту службы и вынуждены будут вместе со своими семьями подвергнуться всем невзгодам полугодовой жизни. Между тем, академическая касса совершенно пуста, нет средств для выдачи жалования и пенсий за июль нового стиля, не говоря уже о дальнейших месяцах наступающего 1918/19 учебного года», — так говорилось в представлении о. Ректора Высшему Церковному Управлению³⁶. Ранее Высшее Церковное Управление смогло отпустить 20 000 рублей на приобретение дров на осень 1918 г. и 20 000 рублей заимобразно из суммы свечного завода на выплату жалования за май-июль. В ответ на указанное выше представление ВЦУ постановило отпустить вместо прописанных 35 000 за июль-август пока 15 000 рублей.

На вторую половину 1918 г. ВЦУ своим постановлением от 3 сентября отпустило 207 050 рублей, обеспечив худо-бедно продолжение занятий с 9 августа по 1 декабря (так они планировались).

6/19 сентября последовал Указ (№ 23) ректору МДА протоиерею А. П. Орлову следующего содержания:

Св. Патриарх, Св. Синод и Высший Церковный Совет Православной Российской Церкви, в соединенном присутствии от 4–17 сентября 1918 г. имели суждение о положении духовно-учебных заведений в связи с обнаружением народным Комиссариатом Юстиции инструкции по проведению в жизнь декрета от 23 января 1918 г. об отделении Церкви от Государства³⁷.

Справки³⁸: 1. № 33–35 означенной инструкции. 2. Положение о Пастырских училищах, утвержденное постановлением Соединенного Присутствия от 17–30 мая с. г.

³⁶ См.: ЦГИАМ. Ф. 229. Оп. 3. Д. 981. Л. 2.

³⁷ Известия. 30 августа 1918 г. № 186.

³⁸ То есть основания для решения.

Постановлено:

1. За последовавшим в силу (упомянутой) инструкции закрытием духовно-учебных заведений, за исключением специально-богословских, с 1/14 сентября с. г. считать всех начальствующих, преподавателей д. у.³⁹ заведений <...> находящимися за штатом, и ввиду прекращения с 1 января с. г. отпуска из казны кредитов на содержание тех же заведений признать, что всякие обязательства по выдаче какого бы то ни было содержания или вспоможения личному персоналу означенных учебных заведений со стороны Высшего Церковного Управления равным образом прекращаются.

2. ...а) Присвоить Пастырским училищам название Пастырско-богословских училищ;

б) ст. 17 Положения от 17–30 мая читать так: ...В Паст<ырско>-богословские училища тех епархий, где не открыты пастырско-богословские курсы, принимаются без экзамена: в III класс — воспитанники дух<овных> семинарий, окончившие 4 класса; в IV класс — окончившие 5 классов духовных семинарий. С примечанием: упомянутые воспитанники духовной семинарии, окончившие с успехом Пастырско-Богословские училища, допускаются к экзамену для поступления в духовные академии.

в) в ст. 18-й возраст поступающих в 1 класс училища вместо 16-летнего установить 18-летний.

г) в ст. 19-й... исключить из числа предметов русский язык, литературу и вместо гражданской истории ввести библейскую историю с географией, взамен логики и начатков философии — историю христианской философии, вместо психологии — христианское учение о душе, взамен дидактики — методику преподавания Закона Божьего.

Для занятий во внеклассное время вместо греческого языка — изучение греческого текста Библии, богослужебных книг и святоотеческих творений. (Далее дается рекомендация о распределении предметов по классам.)

Относительно состава преподавателей считать необходимым, чтобы они были в духовном сани за исключением отдельных лиц, допущенных с разрешения Высшего Церковного Управления.

В тех епархиях, где нет возможности открыть Пастырско-Богословские

³⁹ То есть духовно-учебных.

училища, открыть Паст<ырско>-Бог<ословские> курсы для семинаристов, желающих довершить богословское образование.

Указ подписали: м<итрополи>т Агафангел.
секретарь: Емельянов».

1 октября 1918 г. состоялся традиционный академический акт⁴⁰, на котором присутствовал Святейший Патриарх Тихон, он же совершал Литургию в академическом храме.

Занятия шли своим чередом, хотя число студентов сократилось чуть ли не в 2 раза⁴¹. Часто лекции пропускались профессорами из-за занятости их в Москве в различных организациях или по какой-либо иной причине⁴².

⁴⁰ Актовую речь произнес прот. Н. В. Лысогорский на тему «Чем объяснить веру в себя, как в “Сына Божия”, современного вождя секты “Новый Израиль” В. С. Лубкова и обожествление его другими» (см.: БВ. 1918. № 10–12).

⁴¹ Так, на Совете 10 декабря 1918 г. (н. ст.) решили удовлетворить просьбу окончивших 4 курс иеромонаха Андрея (Демьяновича) и Антония Юнака: выдать им на руки дипломы об окончании Академии как сдавшим все устные экзамены и представившим все сочинения в связи с отъездом за пределы республики (на юг и юго-запад). Петр Добров (студент 4 курса) просил оставить его на 2-ой год в связи с невозможностью пока продолжать курс учения. Александру Уметскому разрешили держать выпускные экзамены осенью сего 1919 года (может быть сего 1918 г.?).

⁴² 10/23 сентября 1918 г. (это последний журнал за 1918 год, очевидно и последнее заседание Совета) ректором было заявлено на Совете о том, что Н. Л. Туницкий (уехавший с 3 августа ст. ст. на неделю на Украину) и А. К. Мишин (уехавший в Воронежскую область) для сопровождения семей, не возвратились в Академию и не приступили к августу и до того дня к исполнению своих обязанностей, и о них ничего неизвестно, хотя полученные ими в свое время двухнедельные отпуска давно истекли (Ф. 172. Оп. 48. Д. 8. Л. 48). На Совете 6 ноября (н. ст.) 1918 г. было подытожено, что по служебным обязанностям наибольшее число пропущенных лекций у В. П. Виноградова (12 лекций), а по обстоятельствам отпуска, <предоставленного в связи с> военным временем: <у> Н. Л. Туницкого — 15 лекций; А. И. Алмазова — 12 лекций; Ф. М. Россейкина — 11 лекций (в прошении на имя Ректора, зачитанном 10 декабря (н. ст.) на Совете, Ф. М. Россейкин объяснил, что он был в отсуствии 4 недели вместо 2-х, но что сверхурочными лекциями по истории Греко-Восточной Церкви и по немецкому языку он почти восполнил пропущенное); А. К. Мишина — 20 лекций (французский язык).

В октябре месяце по болезни пропустили: <М. М.> Богословский — 15 лекций; <свящ. И. В.> Гумилевский — 13 лекций; Ф. К. Андреев — 10 лекций. По нахождению в отпуске: <Н. Л.> Туницкий — 21 лекции, <А. К.> Мишин — 15 лекций. По нахождению под арестом: Д. Введенский — 2 лекции.

		I курс		II курс
Понедельник	1.	9.00–9.50		
	2.	9.50–10.40		
	3.	10.40–11.30		
	4.	11.30–12.20	Основ. богосл.	
	5.	12.20–1.10	– –	
	6.	1.10–2.00	– –	
Вторник	1.		Ист. Рус. Церкви	Церк. Право
	2.		– –	– –
	3.		– –	– –
	4.			
	5.		Евр. язык	
	6.		– –	
Среда	1.		Ист. Др. Церкви	
	2.		– –	
	3.		– –	
	4.		Греч. яз.	
	5.		– –	
	6.		– –	
Четверг	1.		Фр. Яз.	Англ. яз.
	2.		– –	– –
	3.		– –	– –
	4.			
	5.			
	6.			
Пятница	1.		Догмат. богосл. (ауд. №21)	
	2.		– –	
	3.		– –	
	4.			
	5.			
	6.			
Субб	1.		Ист. филос.	
	2.		– –	
	3.		– –	

⁴³ Цифры в скобках обозначают: <II – ая <библейская> кафедра, 1 – библейская <группа>; 2 – богосл<овско>-филос<офская> гр<уппа>, 3 – церк<овно>-истор<ическая> <группа>, 4 – богосл<овско>-слов<есная> <груп-

АКАДЕМИЯ В РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД (1917–1927)

В МДА НА 1918–1919 г.⁴³
К. 15. Д. 15)

III курс		IV курс							
		Педагогика (5)							
		– –	Библ. ист. (1)						
Библ. арх. (II)	Ист. преп. (4,5)		– –						
– –	– –	Осн. богосл. (2)							
– –	Гомилетика (5)	– –							
Ист. Зап. Ц. (3)	Ист. р. л-ры (5)	Церковное право							
– –	– –	– –							
– –	– –	– –							
		Русская гражданская история							
Сист. философия (2 семинар)		– –							
– –									
Церк. арх. и ист. хрис. (3,5)		Ветх. богосл. (1,2)	Ист. Р.Ц. (3,5)						
– –		– –	– –						
П	А	Т	Р	О	Л	О	Г	И	Я
		– –							
		– –							
Новый Завет (II)		Христ. этика*							
– –		– –							
– –		– –							
Догматическое богословие (2)									
– –									
Догмат. богосл. (ауд. № 21)									
– –									
– –									
Ист. фил. (2)	Ист. р. раск. (3, 5)								
– –	– –								
	– –								

па>, 5 — церк<овно>-практ<ческая> <группа>.

Указаны и помещения: библиотека, «Синод», под храмом, № 21, т. е. всего 4 аудитории.

1 полугодие закончилось в ноябре 1918 г. Об этом свидетельствуют рукописные экзаменационные программы, имеющиеся у ряда профессоров в их документах, собранных К. М. Поповым⁴⁴.

Относительно продолжения занятий весной 1919 г. имеется следующий документ — журнал № 2 заседания Правления Академии от 2 марта 1919 г.:

...Слушали: 1. а) Указ и. д. ректора архимандриту Илариону Св. Патриарха, Св. Синода и ВЦС от 15/28 января 1919 г. за № 21:

Св. Патриарх, Св. Синод и ВЦС в соединенном присутствии 8/21 января 1919 г. слушали:

1) доклад ректора МДА от 31 декабря 1918 г. за № 1080 об открытии учебных занятий в МДА в марте сего года для студентов I курса в Москве, для студентов IV курса в Сергиевом Посаде, для студентов 2 и 3 курсов в том или другом месте в зависимости от общих условий времени и в частности от обстоятельств академической жизни.

2) ходатайство ректора от 18/31 декабря за № 876 об утверждении сметы...

3) донесение Вашего Высокопреподобия от 9–23 января за № 55 о распределении занятий по чтению публичных лекций, составлению брошюр и попутным занятиям.

Постановлено: Ввиду полной невозможности по крайней краткости времени, назначенного на прохождение курса, вести с пользой для дела учебные и ученые занятия со студентами, ввиду незначительного количества самих студентов и крайней дороговизны их содержания и признавая полезным и необходимым, особенно в настоящее тревожное для православной Церкви

⁴⁴ Так, у Д. В. Рождественского день экзамена помечен 2-м ноября (очевидно, ст. ст.), у Ф. М. Россейкина — 16/29 ноября 1918 г. Рукописные и сокращенные по объему программы лекций на 1918/19 уч. г. и отчеты некоторых преподавателей за осенний семестр 1918 г. можно найти в деле № 10 по ф. 172 (К. 48), а именно: Н. Туницкого, А. Губеровского, Вл. Страхова, Н. Протасова, игумена Варфоломея, М. Тарева, священника Ильи Гумилевского, протоиерея Дмитрия Рождественского. В частности, последний отмечает, что лекции читались с августа по октябрь. Отчет написан 8/21 ноября 1918 г.

время, привлечь академические силы к защите учения Св. Церкви от нападения на нее со стороны различных лжеучителей и людей неверующих:

1) учебных занятий <...> в марте сего года не открывать⁴⁵;

2) привлечь профессоров духовных академий: а) к чтению публичных лекций на религиозные темы в г. Москве, б) к составлению популярных брошюр в опровержение лжеучений... в) к составлению ученых трудов, необходимых в деле уяснения учения Православной Церкви... например, Толковой Библии, ее толкования св. отцами и учителями, библейского словаря и продолжения православной Энциклопедии, начатой проф. Лопухиным и продолженной проф. Глубоковским по образцу немецких изданий Герцога и Гаука.

3) проект распределения занятий между профессорами академии, по чтению публичных лекций, составлению брошюр и научным занятиям в общем принять. Для детального обсуждения сего проекта образовать Комиссию под председательством митрополита Новгородского Арсения в составе членов: прот. П. А. Миртова, А. Г. Куляшова, Вашего Преподобия, Н. Д. Кузнецова с предоставлением ее председателю права приглашать сведущих лиц; о последующем же доложить Вашему <Преподобию> Церковному Управлению в ближайший срок.

4) прилагаемую при сем смету размером на 157 271 руб. на содержание Академии в первую половину 1919 года утвердить, о чем и послать Указ Высокопреподобию января 15/28 дня 1919 г. № 21⁴⁶.

Указ ВЦУ от 5 апреля того же года извещал о прекращении ассигнований на Академию из Церковной казны начиная с июля месяца и напоминал о долге профессоров исполнить возложенное на них поручение Высшего Церковного Управления относительно религиозно-апологетической деятельности⁴⁷. Указ был доложен Правлению Ака-

⁴⁵ Прим. автора: Поскольку этот указ был зачитан в Академии лишь 2 марта, а студенты уже съехались, то, очевидно, занятия были начаты и длились всего около месяца, так как они закончились, согласно С. А. Волкову, после 5-й недели Вел. Поста, т. е. где-то 5–7 апреля 1919 г. (н. ст.).

⁴⁶ См.: ЦГИАМ. Ф. 229. Оп. 3. Д. 982. Л. 4–5.

⁴⁷ Там же. Л. 8.

демии на заседании его 16 апреля. Одновременно предлагалось Правлению представить отчет о состоянии Академии по учебной части за 1917/18 г. и по хозяйственной части за 1917 и 1918 г.

Получали ли преподаватели жалование до июня месяца, в действительности не известно. Известно лишь, что указом от 10/23 июня 1919 г. Высшее Церковное Управление отпустило сумму лишь в 5 000 рублей на содержание Административно-хозяйственной комиссии и дома (какого — не сказано) и что согласно Журналу Правления № 5 от 12 августа 1919 г. в его распоряжении было всего около 1000 рублей⁴⁸.

Сам же учебный 1918/19 год был «скоропостижно закончен после пятой недели Великого Поста»⁴⁹ (Пасха в 1919 г. приходилась на 20 апреля (н. ст.)). Кое-кто из профессоров провел некое подобие зачетов типа собеседований. Студентов «условно» перевели на следующий курс до выяснения дел осенью 1919 г. Всех разогнал начавшийся голод⁵⁰. Остались только монашествующие, часть которых жила в «Синоде»⁵¹ (северное помещение на верху «Чертогов»), в больничном корпусе⁵² и в инспекторском корпусе до тех пор, пока Администрация могла выделять топливо, и был открыт академический храм.

Особенностью весеннего семестра 1918/19 уч. г. было то, что он проходил в отсутствие ректора А. П. Орлова, получившего 15 января 2-х месячный отпуск для устройства семьи — жены с 2-мя детьми, уехавших еще осенью в Усмановский район Тамбовской губернии. Из-за разрухи он смог вернуться в Посад лишь 15 апреля. В его отсутствие Академию возглавлял инспектор — архим. Иларион. Но и он одно время был отстранен от деятельности (с 10 апреля), и обязанности ректора тогда были возложены на засл. проф. С. С. Глаголева⁵³. Кол-

⁴⁸ Подробнее о финансах Академии и о деятельности Правления см. в: *Голубцов 1982. С. 100–112.*

⁴⁹ См.: *Волков 1964. С. 209.*

⁵⁰ Не только голод, но и изгнание Академии из ее зданий.

⁵¹ Сейчас — это комната ЦАК, граничащая с библиотечкой кабинета, бывшей в первые годы новой Академии канцелярией.

⁵² Верхний этаж Академия освободила ещё в конце февра<ля> (слово закрашено, видимо, автор намеревался сделать исправление. — *Ред.*).

⁵³ Из письма профессора С. Глаголева Н. Глубоковскому от 3 мая 1919 г.:

«...Невесел у нас праздник (Пасхи). О. Илариона арестовали, он теперь пребывает

лектив ходатайствовал об освобождении Троицкого. Ввиду краткости этого семестра и перечисленных обстоятельств первое заседание Совета состоялось только 11 июня (н. ст.) 1919 г., то есть в Духов день, дня через 2 после возвращения архим. Илариона.

На заседании Совет был поставлен в известность, что ректор прот. А. П. Орлов указом Епархиального совета был назначен настоятелем Троицкой, что на Арбате, церкви с сохранением академической должности. Почти все заседание Совета было посвящено будущему учебному году, а из дел прошедшего семестра можно отметить лишь признание степени кандидата 2-го разряда Николаю Белтову, действительному студенту выпуска 1918 года, подавшему курсовое сочинение С. И. Соболевскому на тему «Перевод хорошим русским языком и подробный филологический разбор жития прп. Арсения Великого»⁵⁴.

Итоги 1918/19 уч. г. были подведены на втором заседании Совета 12/25 июня 1919 г. под председательством А. П. Орлова. Были заслушаны отчеты о преподавании в 1918/19 уч. г. и доклад и. о. секретаря Совета игумена Иоасафа об успехах студентов и отзывы о курсовых сочинениях 15-ти студентов из общего числа в 45 человек. Из пятнадцати следующие одиннадцать причислены к категории кандидатов богословия первого разряда:

1. Монах Ермоген (Голубев)⁵⁵,

в Бутырской тюрьме, дел за ним никаких на самом деле нет... Нет у нас и церкви. Академическая запечатана. Перешли было в церковь Иоанна Предтечи. Но там тесно и холодно. Теперь переходим в Трапезную. Умиравшая Академия блуждает. Событие в Сергиевом Посаде — это вскрытие мощей преподобного Сергия (11 апреля. — С. Г.). В газетах — все ложь. Мощи во всяком случае есть. Прикадывался, грешен, и я. Народ валом валит...

Что будет у нас с богословской наукой? Положим, что у нас ее почти не было, но все-таки — теперь ведь заглушаются даже и слабые ростки. Но я уповаю на милость Божию. Все образуется. Трудно было пережить эту зиму. Нам грозил мрак (керосина не было), холод и голод. Но мрак и холод препобеждены. Остался голод. Господь даст, явится и питание» (Склярова 1994. С. 265).

⁵⁴ Отзыв рецензента приложен к ЖС МДА № 1 за 1919 г. См.: НИОР РГБ. Ф. 172. К. 48. Ед. хр. 20.

Курсовое сочинение Н. Белтова готовится к публикации в «Богословском вестнике». — Ред.

⁵⁵ Впоследствии известный архиепископ.

2. Баратов Алексей,
3. Свящ. Чернецов Петр,
4. Свящ. Никольский Никита,
5. Свящ. Иванов Виктор,
6. Свящ. Красотин Павел,
7. Свящ. Ремов Александр,
8. Протопопов Александр,
9. Вознесенский Павел,
10. Иеромонах Андрей (Демьянович),
11. Свящ. Юнак Анатолий.

По второму разряду:

12. Свящ. Евстратов Василий,
13. Покровский Василий,
14. Чистяков Александр,
15. Климов Григорий.

Действительных студентов:

16. Бекренев Георгий,
17. Воронцов Алексей,
18. Свящ. Гусев Николай,
19. Свящ. Добролюбов Виктор,
20. Свящ. Орлов Николай,
21. Попов Александр (Влад. д. с.),
22. Свящ. Предтечевский Сергей.

Об остальных студентах, имевших еще семестровые задолженности помимо курсового сочинения, судить позднее:

23. Уметский Александр (написал курс. соч.),
24. Свящ. Ансеров Иоанн,
25. Введенский Иоанн,
26. Свящ. Гиацинтов Александр,
27. Свящ. Голубев Александр,
28. Диякон Даниловский Владимир,
29. Золотарев Николай,
30. Свящ. Ивановский Феодор,

31. Кораблев Константин,
32. Лебедев Василий,
33. Лебедев Виктор (Волог.),
34. Лебедев Николай,
35. Свящ. Милютин Сергей,
36. Побединский Василий,
37. Свящ. Синьковский Димитрий,
38. Соболев Михаил,
39. Трешневский Зиновий,
40. Свящ. Успенский Алексей (Калуж.),
41. Свящ. Успенский Алексей (Яросл.),
42. Уморов Александр,
43. Свящ. Часовников Николай,
44. Свящ. Чистяков Михаил,
45. Свящ. Гиляревский Вячеслав.

Вассиан Пятницкий, профессорский стипендиат, был по просьбе своей и проф. Е. Воронцова оставлен без сохранения содержания стипендиатом и на 1919/20 уч. г.

Тогда же был заслушан отзыв о стипендиантском отчете свящ. Евгения Яковлевича Кобранова, в течение двух лет (1916–1918) изучавшего восточные языки в Петроградском Университете, где он овладел пятью языками (арабским, еврейским, сирийским, эфиопским и армянским) и основами семи языков (ассирийского, древнесемитского, коптского, грузинского, санскритского, персидского, авестского), что, по словам И. Попова, делает честь его трудолюбию и жажде знания и что превышает человеческие силы...

И. Попов оценивает это как хороший фундамент для будущего патролога и для изучения памятников негреческого Востока. Кроме того, Кобранов занимался дальнейшей разработкой своего курсового сочинения «Догматико-философская система Оригена» и другими вопросами.

Некоторым итогам ушедшего 1918/19 уч. г. была посвящена и часть 3-го заседания Совета 6 октября 1919 г. в Академии, когда по докладу игумена Иоасафа было решено:

1. Свящ^{енника} Константина Любомудрова и Покровского Виталия, сдавших все экзамены и сочинения, перевести на 3 курс.

2. Принимая во внимание неблагоприятные для учебы условия:

а) перевести на следующий курс условно (до сдачи задолженностей):

29 студентов 1 курса,

18 студентов 2 курса,

31 студента 3 курса;

б) 53 студента 4 курса,

48 студентов 3 курса,

45 студентов 2 курса,

вовсе не явившихся в Академию в 1918/19 уч. г., оставить на второй год;

в) 23 студентам 4 курса, ранее поименованным⁵⁶, предоставить возможность ликвидировать свои семестровые задолженности в наступающем учебном году.

Казенное питание прекратилось с прекращением лекций. Получали в день по карточкам полфунта плохого хлеба и добывали, кто где мог, кое-какие продукты.

Студенческая библиотека была передана в ведение С. А. Волкова и вскоре была обращена во вторую городскую библиотеку. Религиозные книги были выделены и не выдавались.

На 6-й неделе Великого Поста⁵⁷ курсантами Военно-электротехнических курсов, образованных при Военно-электротехнической академии, был занят, закрыт и опечатан академический храм, так как в соответствии с декретом как домовый храм он должен был быть закрытым, а Академии комиссаром Лавры был предоставлен маленький надвратный храм св. Иоанна Предтечи, не вмещавший всех прихожан, поэтому приходу бывшего академического храма по договоренности с Лаврой была предоставлена Трапезная церковь прп. Сергия на период с Великого Четверга до Фоминой, а затем «академический» приход

⁵⁶ См. выше с. 466-467.

⁵⁷ Это по словам С. А. Волкова. «Отношение» же комиссара Электротехнических курсов о прекращении богослужения в академическом храме датируется 20-м ноября 1918 г. (Ф. 172. К. 127. Ед. хр. 8. Л. 37).

перешел в Пятницкую и Введенскую церкви⁵⁸ вне стен Лавры. Вскоре и все здания были отобраны.

Бывшая фундаментальная библиотека была объявлена филиалом библиотеки Румянцевского музея, и книги из нее, за исключением религиозных, выдавались научным работникам и преподавателям средних школ. Ее заведующим до 1933 г. оставался К. М. Попов⁵⁹.

Так весной 1919 г. закрылась в Сергиевом Посаде Московская духовная академия.

3. Научно-богословская деятельность Академии

Обращаясь к рассмотрению учебной и научной жизни Академии за последние два года, отметим, что в составе кафедр в Сергиево-Посадский период ректорства проф. прот. Анатолия Петровича Орлова произошли следующие незначительные изменения.

Преподаватель по 2-й каф. Патрологии иеромонах Пантелеимон (Успенский) по болезни (чахотка) отбыл для лечения на Новый Афон в июле 1917 г., где скончался 1 мая 1918 г., о чем в Академии по причине тогдашних военных событий на юге страны узнали лишь в январе 1919 г.

Лишь через год — с начала 1918/19 уч. г. — его заменил окончивший в 1918 г. Академию священник Сергей Михайлович Соловьев (племянник Владимира Соловьева и внук историка С. М. Соловьева), поступивший в Академию в 1915 г. после окончания Университета в 1911 г., поэт и переводчик древних классиков. Поскольку сведений о Пантелеимоне не было, то в начале первого полугодия, по крайней мере, он преподавал безвозмездно, так что вынужден был 21 октября

⁵⁸ Подробнее см. в разделе, посвященном храму (там же).

⁵⁹ О подвиге этого энциклопедиста-библиотекаря и его жены О. Н. Поповой по сохранению книг см.: Волков 1964. С. 284–298 и др.; Голубцов С., протоиерей. Московская духовная академия дореволюционного периода. Т. 2. Ч. 5. Кн. 3. М., 1990. С. 1–22.

См. также 5-й и 6-й разделы статьи игум. Дионисия (Шленова) «История библиотеки Московской духовной академии» (5. Последний «взлет» при К. М. Попове перед закрытием; 6. Библиотека МДА после закрытия), публикуемой в Юбилейном томе, посвященном 325-летию СГЛА (в печати). — *Ред.*

1918 г. просить единовременное пособие для своей семьи⁶⁰ и о зачислении в штат Академии.

Временно сверхштатный э.-орд. проф. Илья Михайлович Громогласов, формально лишь восстановленный в Академии, замещал по кафедре Церковного права в осенний семестр 1918 г.⁶¹ Александра Ивановича Алмазова, весной 1918 г. уехавшего в Симбирскую губернию, вернувшегося в Москву лишь 28 октября (из-за военных действий в ряде районов) и, по-видимому, не приступавшего в Академии к чтению лекций в этот семестр из-за ослабления сердечной деятельности⁶².

Преподаватель систематической философии и логики Ф. К. Андреев берет продолжительный отпуск в декабре 1917 г. (по уходу за больным братом в Петрограде) до конца учебного года. Возможно, что его заменяет по кафедре о. Павел Флоренский. Вообще он часто уезжает на родину, и вероятно, что в 1919 г. он уже не преподает в Академии.

Находившийся на пенсии заслуженный профессор по кафедре Догматического богословия Александр Дмитриевич Беляев возобновил, очевидно, преподавательскую деятельность в Академии с осени 1918 г., но по какой кафедре — неизвестно⁶³. Причиной этому послужило, конечно, прекращение выплаты пенсии с ликвидацией старой казны.

Научные достижения последнего периода деятельности Московской академии, приходящегося на голодные годы, годы разрухи и замирания ее деятельности, конечно, невелики.

Докторской степени была удостоена на Совете лишь одна работа, и то постороннего лица — проф. прот. (в 1913—1918 гг.) Киевского

⁶⁰ См.: ЦГИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5221. Л. 1.

⁶¹ А точнее лишь 2 месяца: октябрь—ноябрь (по словам Ректора, в черновике прошения, поданного Святейшему Патриарху).

⁶² См.: ЦГИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5005.

⁶³ Об этом косвенно свидетельствует справка от Правления Академии за подписью и. д. Ректора архим. Илариона: «Беляев Ал<ександр> Дм. ни на какой службе, кроме академической, в течение 1918 г. не состоял и доходов, кроме академического жалованья, не получал» (ЦГИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5020. Л. 47). Позднее (в 1988 г.) просмотренный нами его дневник не подтвердил этой версии. Под «жалованием», по-видимому, надо понимать его пенсию, которую выплачивали из академической казны (до августа 1918 г.).

университета (с 5 сентября 1913 г.) Николая Боголюбова⁶⁴ 15 октября 1917 г. на тему: «Философия религии. Ч. I. Историческая. Т. 1. Киев, 1915 г.».

О докторских работах сотрудников МДА известно лишь то, что э.-орд. профессор Д. А. Лебедев 10/23 июня 1919 г. подал в Совет Академии прошение о рассмотрении на указанный предмет своего сочинения в двух экземплярах «Список епископов Первого Вселенского Собора в 318 имен. К вопросу о его происхождении и значении для реконструкции подлинного списка Никейских отцов. Петроград, 1916 г.». Об этом 12/25 числа было доложено на Совете о. ректором А. Орловым⁶⁵.

Э.-орд. проф. прот. Евгений Воронцов, по воспоминаниям С. А. Волкова, еще в 1913–1914 гг. завершал свой докторский труд из области еврейской филологии и интересовался через посредство иеромонаха Вассиана (Пятницкого), ездившего в Германию, возможностью его напечатания в Лейпциге на латинском, предпочтительно, языке для более широкой научной аудитории. Но это намерение из-за войны не было осуществлено и труд остался, вероятно, в рукописи⁶⁶.

⁶⁴ Окончил МДА в 1896 г., магистр МДА (1900), член Собора 1917 (Вестник ЛДА 1990. 2, 49). С 1925 г. — в Нижнем Новгороде, репрессирован в 1928–1931 гг. (За Христа пострадавшие. Гонения на Русскую Православную Церковь 1917–1956. Кн. 1. А—К. М., 1997. С. 170).

⁶⁵ См.: ЦГИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5108. Л. 13. Далее следует машинописный текст в скобках («Но кому передана работа на рассмотрение — не сказано, и была ли она рассмотрена на Совете и присуждена ли степень — неизвестно») с карандашной заметкой «то, что в скобках, изъять». После слова «неизвестно» стоит следующая ссылка: «Внесенные в Совет на рассмотрение в качестве докторской работу э.-орд. профессора Д. А. Лебедева 12/25 июня передали на отзыв С. И. Соболевскому и И. В. Попову, а поданную тогда же в качестве магистерской — работу кандидата СПб ДА выпуска 1896 г. архимандрита Леонида (Скобеева) под названием “История возникновения и окончательного развития партий (сект) фарисейской и саддукейской в после пленный период богоизбранного народа до Рождества Христова” передана на отзыв протоиерею Е. А. Воронцову и Д. И. Введенскому. Но были ли присуждены степени, неизвестно. Впрочем, Скобеев значился магистром МДА».

⁶⁶ В «Богословских трудах» № 4–7 был опубликован труд «Св. Иларий, епископ Пиктавийский» под авторством И. В. Попова. Не видя рукописи, мы можем лишь предположить, что в действительности этот труд должен принадлежать А. П. Орлову, который работал над тринитарными и христологическими воззрениями этого святы-

М. И. Бенеманский (бывший член МДА) сделал заявку на степень доктора⁶⁷.

Магистерской степени были удостоены два преподавателя Академии, Александр Михайлович Туберовский и свящ. Иоанн Михайлович Смирнов, и священник московской церкви свт. Николая в Толмачах о. Михаил Фивейский.

О работе А. М. Туберовского «Воскресение Христово. Опыт мистической идеологии пасхального догмата» отзывы проф. М. Д. Муретова и э.-орд. проф. Павла Флоренского были заслушаны на Совете еще 2 мая 1916 г.⁶⁸.

Ректор еп. Феодор высказал особое мнение⁶⁹ о необходимости исправления диссертации не в предполагаемом втором, а уже в первом ее издании; к этому присоединились почти все присутствовавшие, в том числе и М. Д. Муретов, ранее придерживавшийся другого мнения⁷⁰. В результате диссертацию возвратили для переделки, и магистерский коллоквиум состоялся лишь 10 октября 1917 г. и был самым, очевидно, продолжительным в истории Академии, так как длился целых два дня. Первый день, когда председательствовал гость — архиеп. Арсений (Стадницкий), ушел на слушание отзыва о Павла

теля, и упомянутый труд, вероятно, является докторской работой А. П. Орлова, отданной на просмотр (или сохранение) И. В. Попову — его постоянному рецензенту и сотруднику; тем более что в публикации нет никаких ссылок на печатные труды А. Орлова, чего нельзя и допустить, если бы этот труд принадлежал И. В. Попову.

⁶⁷ 18/31 января 1918 г. в Совет была внесена его работа «Закон градский: Значение его в русском праве. Приложения». М., 1917 г. Она дана была на отзыв проф. А. И. Алмазову и И. М. Громогласову (НИОР РГБ. Ф. 172). Неизвестно, рассмотрена ли она (С. Г.).

⁶⁸ См.: Приложение № 5 к ЖС МДА за 1916 г.

⁶⁹ См.: Приложение № 6 к ЖС МДА за 1916 г.

⁷⁰ А. Беляев отметил, что 2 мая профессором Муретовым был прочитан огромный на 3 часа отрицательный отзыв. Отзыв Флоренского был менее резок. Ректор потребовал переделки сочинения до 1-го издания, Муретов — до 2-го издания (после защиты). Ректор заявил, что он отзывов Муретова и Флоренского не читал, но отзыв Муретова, по словам Беляева, подозрительно совпал с предыдущими отзывами. Позицию Муретова А. Беляев (патронировавший Туберовского) довольно пристрастно оценил как позицию «пасквильанта и пакостника» (см.: НИОР РГБ. Ф. 26, дневник Беляева).

Флоренского⁷¹. Следующий день начался выступлением М. Тареева⁷² со своим отзывом, при этом, отмечает С. Волков⁷³, он и Флоренский не сидели, как это было принято для оппонентов, за одним столиком у Елизаветинской изразцово́й печи напротив диссертанта, стоявшего на кафедре, но Флоренский пересел за общий стол с профессорами, подобно и Тарееву в предыдущий день.

«Тареев начал свой отзыв с указания тех разделов и отдельных мыслей диссертации, которые он считал неправильными, — продолжает С. Волков. — Таковых оказалось немало, хотя все и считали Туберовского его единомышленником. Но потом Тареев перешел к обсуждению принципиальных проблем, заговорил о характере русского богословия, отмечая его положительные стороны, а также и недостатки. Отчасти это были те же мысли, что были им опубликованы в статье “Новое богословие”... <Он> ставил (этому богословию) в заслугу стремление к предельной ясности, использование методов критического мышления, уклонения от “модных” в последние годы псевдомистических течений, вроде теософии и антропософии». Тут он дважды в резком тоне задел о. П. Флоренского и его книгу «Столп и утверждение Истины», что побудило Ф. К. Андреева⁷⁴ «обратиться к председателю — о. Ректору — о недопустимости подобных выпадов. Дело кончилось тем, что о. Павел, сказав, что он считает Туберовского достойным степени магистра, покинул актов́ый зал, за ним вышли монахи и священники, а

⁷¹ Флоренский сначала проанализировал сочинение с филологической стороны, затем — по сути. Туберовский имел довольно бледный вид не только от его критики, но и потому, что в те дни страдал желудком, так что в 8 час. 45 мин. вечера заявил, что он больше не в состоянии продолжать диспут. Флоренский не возражал, так как почти все сказал (НИОР РГБ. Ф. 26. К. 4. Ед. хр. 6. Л. 120).

⁷² Вместо умершего 11 марта 1917 г. М. Муратова оппонентом был назначен М. Тареев, который в частности указал, что «ограничивать богопознание только областью мистического разума, не давая места практически нравственному познанию, воле, — односторонне и неверно, что 7-я глава поэтóму пуста содержанием, а 5-ая заимствована у него, Тареева — по мыслям и даже словам, что любовь Божия вполне проявляется в здешней жизни, а у Туберовского лишь в царстве славы, на что Туберовский ничего не мог ответить (НИОР РГБ. Ф. 26. К. 4. Ед. хр. 6. Л. 129–130).

⁷³ См.: Волков 1964. С. 193.

⁷⁴ В те годы горячего почитателя о. Павла Флоренского.

также светские профессора, принадлежащие к антитареевской группе, затем Ректор, начавший что-то было говорить, и, наконец, и остальные профессора. Последним медленно вышел и Тареев. В это время раздалась шумные аплодисменты со стороны студенчества, наполнявшего зал. Я и тогда не мог понять, кому студенты выражали свое сочувствие, Флоренскому или Тарееву⁷⁵... Диспут прервался».

...Кое-как он закончился в профессорской⁷⁶ и А. М. Туберовскому, глубоко расстроенному случившимся инцидентом, была присуждена степень магистра, а вскоре и 2-я академическая премия митрополита Макария (290 р.) за лучшие магистерские сочинения.

Магистерская работа преподавателя церковно-славянского и русского языков священника Иоанна Михайловича Смирнова⁷⁷ с названием «Синайский патерик в древне-славянском переводе, в 3-х частях» (СП, 1917) была разработкой его кандидатского сочинения о том же Патерике в славянско-русском переводе, получившего высокую оценку рецензента И. Л. Туницкого, который отметил «значительную и многообещающую эрудицию» автора, хорошо знающего болгарский, чешский и сербский языки, их историю и палеографию, но не проследившего преемственность различных редакций Патерика⁷⁸. Рукопись же магистерской диссертации, защищенной 25 апреля 1918 г., была подана еще 4 июня 1915 г., что свидетельствует, по-видимому, о доработках по указанию рецензентов. Диспут окончился успешно, хотя С. Волков и сообщает, что С. И. Соболевский на защите представил «скрупулезный анализ ошибок в переводе греческих текстов диссертантом; самый тон, каким он говорил, показывал отношение рецензента к магистранту, как

⁷⁵ Волков 1964. С. 196.

⁷⁶ А. Д. Беляев излагает концовку диспута иначе: после скандала Ректор закрыл заседание Совета и пригласил Совет в свои апартаменты, но Тареев ушел домой. Было сначала предложено отсрочить на месяц окончание диспута, пока улягутся страсти, но потом решили послать депутации к Тарееву и Флоренскому и убедить их помириться: Тарееву извиниться перед Флоренским, а тому — принять извинение. Депутации добились успеха и вечером того же дня с 7 до 8 часов диспут был продолжен и окончен признанием защиты удовлетворительной (НИОР РГБ. Ф. 26. К. 4. Ед. хр. 6. Л. 132).

⁷⁷ Окончил МДА в 1911 г. 5-м по списку, предварительно 8 лет в 1899–1907 г. прослужив на приходе.

⁷⁸ ЖС МДА за 1911 г. // БВ. 1912. Т. 2. № 4. С. 387 (4-я пагин.).

к малознающему ученику. Соболевский прямо-таки поучал, и в его слегка шепелявом говоре чувствовалась солидная доза иронии»⁷⁹.

О диспуте свящ. Михаила Фивейского, солидного уже протоиерея⁸⁰, настоятеля московского храма свт. Николая в Толмачах, на тему «Духовные дарования в первоначальной христианской Церкви, 1 Кор., 12–14 гл.» (М., 1907), состоявшемся 7 декабря 1917 г., С. Волков вспоминает, что диссертант держался очень уверенно и не только отражал нападения первого рецензента свящ. Вл. Страхова, но прибегал к «контрнападениям», засыпая, между прочим, рецензента обилием цитат на английском языке, который, несомненно, знал очень хорошо. Это несколько смущало рецензента, который, по-видимому, не слишком быстро воспринимал английские фразы в устном произношении. Но после Страхова выступил архим. Иларион... и на залпы английских цитат отвечал такими же, дополняя их обилием ссылок на греческие, латинские, немецкие и французские тексты, тоже в подлинниках. Произзошел подлинный ученый “поединок”, в котором, как говорили потом,

⁷⁹ Волков 1964. С. 189. Рецензию С. И. Соболевского см.: Изв. ОРЯС АН. 1918. № 23. Кн. 2. С. 289–295.

А. Беляев в своем дневнике отмечает, что диспут тянулся с 2-х часов дня до ночи. С. И. Соболевский остановился на филологических мелочах, а Н. Л. Туницкий поставил в вину автору то, что диспутант, напечатавший греческий подлинник и перевод его, взял лишь позднюю версию перевода, опустив промежуточные. Смирнов аргументировал это тем, что позднейшие славянские переводы более совершенны. Защита была признана удовлетворительной. Диспутант получил звание магистра и должность доцента, а через месяц 13/26 июня и должность э.-орд. профессора как состоящий на епархиальной службе с 1899 г., в Академии с 1912 г. (единогласно).

⁸⁰ Окончил 4-м по списку историческое отделение МДА в 1880 г., так что в 1917 г. ему было около 62 лет. Фивейский подавал сочинение на магистерскую степень еще в 1902 и 1907 гг., но оно не получило тогда одобрения обоих рецензентов. См.: ЖС МДА за 1902 г. // БВ. 1904. Т. 1. № 2. С. 423–441 (4-я пагин.); ЖС МДА за 1907 г. // БВ. 1908. Т. 2. № 7/8. С. 367–379 (6-я пагин.).

15 мая 1917 г. Советом было постановлено (вновь) допустить священника М. П. Фивейского до магистерской защиты; были прочитаны справки о том, что еще в 1902 г. (19 декабря) ему было дозволено напечатать работу с исправлением, а в 1907 г. (20 декабря) — допустить к защите, и заявление Фивейского о том, что в 1911 г. его оппонент уклонялся от диспута (ЖС МДА № 6 от 15 мая 1917 г.; НИОР РГБ. Ф. 172. К. 47. Ед. хр. 1. Л. 42).

не было ни победителя, ни побежденного⁸¹. По словам А. Д. Беляева, диспут М. Фивейского длился с 6 1/2 до 12 1/2 часов вечера. Дело с диссертацией тянулось около четверти века. Одной из причин было и отрицательное отношение к этому сочинению и его автору покойного проф. М. Д. Муретова, с которым автор был несогласен в сравнительной оценке «Пира» Платона и песни любви у апостола Павла. Автор — известный переводчик Гейки⁸², Едергейма⁸³, Фаррара⁸⁴, Брюса и других западных богословов и автор широко распространенных «Священной Истории Ветхого Завета» и «Священной истории Нового Завета» и других книг. На диспуте Фивейский подвергся нападкам священника Страхова и особенно архимандрита Илариона, который признал достойным степени не книгу, а диспутанта. Последний весьма бойко и хорошо защищался, ловко парируя выпады против него Илариона, вроде такого, например: «Вы смаху пишете». — «Это Вы смаху говорите», или: «Неприятное впечатление от книги». — «Это Ваш субъективный взгляд, а вот ученый итальянец по-латыни написал о моей книге: очень ученая и ценный вклад в русскую богословскую литературу».

Все же защиту признали удовлетворительной⁸⁵. Но на Совете 13 января 1918 г. против присуждения магистерства Фивейскому вновь ратовал преимущественно Иларион («Монахов даже и косвенно не тронь...» — заметил А. Д. Беляев).

В 1918–1919 гг. в составе корпорации оставалось лишь два «не остепенившихся» пока преподавателя: только что зачисленный в штат свящ. Сергей Михайлович Соловьев по кафедре Патрологии и Федор Константинович Андреев, исполнявший с 1913 г. должность доцента по кафедре Философии и Логики. О первом из двух ничего не известно в

⁸¹ См.: Волков 1964. С. 190.

⁸² Гейки К. Жизнь и учение Христа / Пер. с англ. свящ. М. П. Фивейского. Т. 1–4. М., 1893. — Ред.

⁸³ Эдершейм А. Жизнь и время Иисуса Мессии / Пер. с англ. свящ. М. П. Фивейского. Т. 1. М., 1898. — Ред.

⁸⁴ Фаррар Ф. В. Жизнь Иисуса Христа / Пер. с англ. свящ. М. П. Фивейского. СПб., 1904; Он же. Жизнь и труды Святого Апостола Павла / Пер. с англ. свящ. М. П. Фивейского. СПб., 1905. — Ред.

⁸⁵ Подробнее см. у А. Д. Беляева: Ф. 26. К. 4. Ед. хр. 6. Л. 153; там же и о семье Фивейского.

плане подготовки диссертации, это и понятно; второй же — Ф. К. Андреев — подал 23 июня 1916 г. (как сообщил Ректор 20 августа того года⁸⁶) рукопись своей магистерской диссертации под названием «Из истории религиозных и философских исканий ранних славянофилов. Юрий Федорович Самарин и его друзья». Рецензентами были назначены проф. С. С. Глаголев и П. А. Флоренский (от Ректора). К сожалению, ни отзывов этих лиц, ни о судьбе этой работы официально нет никаких известий.

Иеромонах Пантелеимон готовил диссертацию по прп. Симеону Новому Богослову, но в каком состоянии была работа и какова ее судьба, неизвестно. Вполне возможно, что он захватил ее с собой, когда уехал в октябре 1917 г. лечиться на Новый Афон от чахотки, где и скончался от нее 1 мая 1918 г. Им были переведены и изданы «Божественные Гимны преподобного Симеона Нового Богослова» (СП, 1917), удостоенные половиной академической премии митрополита Макария за 1917/18 уч. г. по предложению проф. И. В. Попова.

Другой половиной той же премии была удостоена работа Н. Л. Туницкого «Греческое пространное житие св. Климента Словенского»⁸⁷, перевод с греческого.

Из прочих, уже немногочисленных, по условиям времени, но значительных работ, вышедших из-под пера профессоров Московской Академии в последний период, можно отметить:

- статьи по поводу миссионерства (в том числе и о 5-м Всероссийском съезде) — И. Айвазова, бывшего в 1911–13 гг. преподавателем в Академии;
- многочисленные работы проф. М. Богословского по истории России эпохи Петра I, включая исследования феодальных и юридических взаимоотношений сельского и городского населения и на-

⁸⁶ См.: ЖС МДА за 1916 г. // БВ. 1917. Т. 2. № 6/7. С. 91 (5-я пагин.).

⁸⁷ Отзыв остался в рукописи ЖС МДА за 1918 г. См.: НИОР РГБ. Ф. 172. К. 48. Ед. хр. 11. Л. 2–3, 4, 5, где находится и отзыв Ф. М. Россейкина, выдвинувшего работу Туницкого не только за кропотливый труд по собиранию и комментированию древних изданий жития, но и за введение в научный оборот Охридского списка. Есть еще рецензия С. Н. Булгакова (Русская мысль. 1917. № 5–6. Отд. II. С. 131–134).

- чальных реформ Петра I, завершившиеся посмертным изданием в 4-х томах книги «Петр I» (до 1700 г.) в 1940—1946 гг.⁸⁸;
- иеромонаха Варфоломея (Ремова) — статьи в «Богословском вестнике» о жизни в Академии в 1917 г., о митрополите Филарете — там же в 1918 г.⁸⁹ (также и проф. Д. И. Введенского⁹⁰);
 - статьи В. П. Виноградова под рубрикой «Живая жизнь» в «Богословском вестнике» за 1917 г. и подписью «Василий Можайский»⁹¹, статья о митрополите Филарете как проповеднике⁹²;
 - сборник «Из чтений по церковной археологии и литургике» в 2-х частях покойного профессора А. П. Голубцова, который подготовил и издал его сын Иван Александрович Голубцов в 1918 г.; в сборник вошло, помимо некоторых напечатанных ранее автором статей, много неиздававшегося материала⁹³;
 - речи и статьи по вопросам церковных реформ: И. М. Громогласова, Н. Д. Кузнецова, А. И. Покровского, Н. А. Заозерского, архим. Илариона («Почему необходимо восстановить патриаршество?» — речь на Соборе, и его же: по вопросам о воссоединении Церквей⁹⁴ и мнение его о догматике по вопросу Тайны искупления⁹⁵ и Н. Д. Протасова (в том числе об участии женщин в церковной жизни и их богословском образовании);

⁸⁸ Подробно в «Известиях Российской Академии наук». Серия 6. Т. 14 (1920 г.) и т. 15 (1921 г.) или в т. 3 настоящего труда.

⁸⁹ *Варфоломей [Ремов], иером.* Памяти великого святителя. I. Труд пред Господом // БВ. 1918. Т. 1. № 1/2. С. 5—16 (1-я пагин.). — *Ред.*

⁹⁰ *Введенский Д. И.* Памяти великого святителя. 6. Митрополит Филарет как библист // БВ. 1918. Т. 1. № 3/4/5. С. 98—109 (2-я пагин.). — *Ред.*

⁹¹ *Можайский В.* Живая жизнь: Новая эпоха церковно-общественной жизни // БВ. 1917. Т. 2. № 6/7. С. 123—135 (1-я пагин.); № 8/9. С. 269—275 (2-я пагин.). — *Ред.*

⁹² *Виноградов В. П.* Значение митрополита Филарета в истории русской проповеди // БВ. 1918. Т. 1. № 3/4/5. С. 110—144 (2-я пагин.). — *Ред.*

⁹³ Данный сборник составлен на основании лекций И. Д. Мансветова, автограф которых хранится в библиотеке МДА. Публикацию фрагмента лекций готовит А. М. Пентковский. — *Ред.*

⁹⁴ *Иларион (Троицкий), архим.* Единство Церкви и всемирная конференция христианства // БВ. 1917. Т. 1. № 1. С. 3—60 (2-я пагин.). — *Ред.*

⁹⁵ Архангельские епархиальные ведомости. 1917. № 24.

- статьи в 1917 г. по вопросам церковного календаря и пасхалии и в «Православном календаре на 1924 г.» проф. Д. А. Лебедева;
- актовые речи 1917 и 1918 г. М. Богословского о «Реформе духовной школы при Александре I и основании Московской Духовной Академии»⁹⁶ и Н. Лысогорского о вожде «Нового Израиля» В. С. Лубкове;
- речи о митрополите Филарете проф. А. Орлова, М. Тареева в «Богословском вестнике» 1918, 1–2;
- мемуарные статьи (в том числе о В. С. Маркове и Н. Ф. Каптерева) В. А. Соколова и С. М. Соловьева — в «Богословском вестнике» за 1917 и 1918 г.;
- статьи С. М. Соловьева «Гете и христианство»⁹⁷, «Национальные боги и Бог истинный»⁹⁸;
- богословские статьи и книги Михаила Тареева «Новое богословие», «Церковь и богословие»⁹⁹, статьи по историческому материализму и идеологии социализма;
- «Материалы для истории жизни и деятельности учеников Кирилла и Мефодия» (СП, 1917), также как и «Книги 12 малых пророков с толкованиями в древне-славянском переводе», изданные Н. Л. Туницким¹⁰⁰;

⁹⁶ См.: БВ. 1917. Т. 2. № 10/11/12. С. 356–384 (2-я пагин.); 1918. № 10–12.

⁹⁷ БВ. 1917. Т. 1. № 2/3. С. 238–266. № 4/5. С. 478–522 (2-я пагин.).

⁹⁸ Христианская мысль. 1917. 3–4.

⁹⁹ БВ. 1917. Т. 2. № 6/7. С. 1–53 (1-я пагин.). № 8/9. С. 168–224 (2-я пагин.); № 10/11/12. С. 316–331 (2-я пагин.).

¹⁰⁰ В Известиях ОРЯС АН. 1921, XXVI. — *Авт.*

Публикация, указанная протодиаком С. Голубцовым, содержит рецензии на упомянутые работы Н. Л. Туницкого (*Соболевский А. И. Ис коуриловице // Изв. ОРЯС Рос. АН 1921. Т. 26. Пг., 1923. С. 240–243; Михайлов А. В. Материалы для истории жизни и деятельности учеников св. Кирилла и Мефодия // Изв. ОРЯС РАН 1921. Т. 26. Пгр., 1923. С. 243–251*). Сами работы Н. Л. Туницкого были опубликованы в Известиях ОРЯС РАН в 1918 г.: Книги XII малых пророков с толкованиями в древнеславянском переводе. Вып. 1. Книги Осии, Иоила, Амоса, Авдия и Ионы / Приготовил к печати Н. Л. Туницкий. СП: Изд. ОРЯС РАН, 1918. VIII, 76 с.; Материалы для истории жизни и деятельности учеников св. Кирилла и Мефодия. Вып. 1. Греческое пространное житие св. Климента Словенского. СП: Изд. ОРЯС РАН, 1918. С. 1–144. — *Ред.*

- мемуарные статьи 1917 г. о П. Флоренского об архим. Серапионе (Машкине)¹⁰¹, Владимире Францевиче Эрне¹⁰², Ф. Дм. Самарине¹⁰³, а также: «Троице-Сергиева Лавра и Россия» (1919), «Храмовое действо как синтез искусств» (1918/1922), «Опись панагий Троице-Сергиевой Лавры XII—XIX вв.» (1923).

О научной деятельности профессоров Академии в области богословских проблем в ближайшие годы после закрытия Академии в Посаде конкретно, как правило, ничего не известно; по-видимому, и не до нее было в эти годы. В архивах Академии сохранились, однако, донесения лишь некоторых профессоров на имя архим. Илариона, поданные в начале января 1919 г. в соответствии с вышеприведенным указом Синода о научной деятельности в защиту православия и религии.

В частности, архимандрит Варфоломей (Ремов), работавший, очевидно, с 1916 г. над подготовкой к изданию книг пророков Аввакума и Софонии для Комиссии по научному изданию Славянской Библии¹⁰⁴, выражал свою готовность принять участие в работах по составлению

¹⁰¹ *Флоренский П., свящ.* Данные к жизнеописанию архим. Серапиона (Машкина): Хронологическая схема жизни архимандрита Серапиона [Машкина] // БВ. 1917. Т. 1. № 2/3. С. 331–337 (2-я пагин.); *Ельчанинов И. Н., Флоренский П. А., свящ.* Данные к жизнеописанию архим. Серапиона (Машкина): Родословие архимандрита Серапиона. Идеологическое древо архимандрита Серапиона. Родословное древо Машкиных // БВ. 1917. Т. 1. № 2/3. С. 338–354 (2-я пагин.). — *Ред.*

¹⁰² *Флоренский П. А., свящ.* Памяти В. Ф. Эрна // Христианская мысль. 1917. № 11/12. С. 70–74. — *Ред.*

¹⁰³ *Флоренский П. А., свящ.* Памяти Ф. Д. Самарина. СП, 1917. Оттиск из «Богословского вестника». См.: *Кожевников В. А., Трубецкой Н., Мансуров П. Б., Флоренский П. А., свящ., Новоселов М. А., Андреев Ф. К., Булгаков С. Н.* Федору Дмитриевичу Самарину († 23/X—1916) от друзей // БВ. 1916. Т. 3. № 10/11/12. С. 543–581 (2-я пагин.). — *Ред.*

¹⁰⁴ 29 сентября 1914 г. Совет Академии был извещен о проекте проф. СПбДА Н. Елисеева научного издания славянского перевода Библии (в течение 60 лет!) под наблюдением Комиссии из членов Петроградской духовной академии (ЖС МДА за 1914 г. // БВ. 1915. Т. 2. № 7/8. С. 582–584 (4-я пагин.).

Официально Комиссия была открыта 28 января 1915 г. при Петроградской духовной академии. В ее состав Советом этой Академии были приглашены и профессора из МДА: Г. А. Воскресенский, М. Д. Муретов, С. И. Смирнов, доценты: В. Н. Страхов, Н. Л. Туницкий, иеромонах Варфоломей (Ремов), И. М. Смирнов и стипендиант

истолкований на книги Святого Писания Ветхого Завета или богословского словаря¹⁰⁵;

- проф. Дм. Ив. Введенский занимался по поручению Школьно-просветительского отдела Высшего Церковного Совета составлением программы по Библейской истории для пастырских училищ, и о научной деятельности нет упоминания в его записке от 8/13 января 1919 г.;
- э.-орд. проф. Е. Воронцов предполагал в 1919 г. работать над историей Библии и еврейского культа во внебиблейские времена и древнееврейского брака, как он писал в своей записке на имя архим. Илариона¹⁰⁶;
- проф. С. Глаголев, по-видимому, в начале 1919 г. не имел определенных научных планов, поскольку в своей записке от 7/20 января выражал «готовность работать во всех примерно-предложенных родах деятельности и применительно к потребностям современности»¹⁰⁷;
- свящ. Д. В. Рождественский предполагал принять на себя (может быть, и совместно с другими) из области научных работ: грамматические комментарии к избранным отделам Ветхого Завета, либо сопоставление текстов его греческой и масоретской редакций, либо пересмотр русского синодального перевода Библии, или, наконец, «дать указания для составления Новой Толковой Библии», более доступной, чем в издании Лопухина¹⁰⁸;

М. К. Струменский (см. статью Н. Л. Туницкого об этом: БВ. 1915. Т. 1. № 4. С. 865–875 (2-я пагин.)).

Позднее ряд ученых Московской Академии взял на себя обработку и издание некоторых из библейских книг, в частности: И. М. Смирнов — книгу пророка Захарии, С. И. Смирнов — книгу Руфь (Известия Библейской комиссии. 1916. № 1. Пг., 1916. С. 3, 4).

¹⁰⁵ См.: ЦГИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5033. Л. 7.

¹⁰⁶ См.: Там же. Д. 5040.

¹⁰⁷ См.: ЦГИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5047. Л. 80.

¹⁰⁸ См.: Там же. Д. 5179. Л. 11–12.

- свящ. И. М. Смирнов, надо полагать, был занят подготовкой к изданию книги пророка Захарии для Комиссии по научному изданию Славянской Библии, что он выбрал еще в 1916 г.¹⁰⁹;
- свящ. Вл. Страхов предлагал свои услуги в истолковании Священного Писания Нового Завета¹¹⁰;
- проф. М. Тареев усиленно работал над исследованием по истории русского богословия по поручению Св. Синода от 28 февраля 1914 г., которое было уже почти готово к печати, и выражал готовность к написанию брошюр апологетического содержания или к участию в составлении богословского словаря.

4. Судьбы преподавателей и профессоров после закрытия Академии

С. А. Волков, вспоминая первые годы после закрытия Академии в Сергиевом Посаде и некоторых профессоров, живших там, пишет, что монашествующие Иларион, Варфоломей, Иоасаф и игумен Вассиан продолжали жить в инспекторском корпусе. Правда, Иларион почти все время проводил в Москве, а в его квартире жили Иоасаф и брат архимандрита Илариона — архимандрит Даниил, ректор чуть ли не Вифанской семинарии, тоже закрытой...¹¹¹, а после выселения мона-

¹⁰⁹ Известия Библейской комиссии. 1916. № 1. Пг., 1916. С. 4.

¹¹⁰ ЦГИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5225. Л. 13.

¹¹¹ Здесь С. А. Волков допустил ряд неточностей: <во-первых>, архимандрит Даниил не стоял во главе Вифанской семинарии; во-вторых, архимандрит Иларион жил, по-видимому, в Лавре лишь до осени 1919 г.; в-третьих, он и его помощники занимали не инспекторский корпус, а Успенский, о чём можно заключить из того, что в июле 1919 г. комиссар Электрокурсов Родионов просил комиссара Лавры А. Ф. Волкова способствовать очищению двух квартир <захваченного> Электрокурсами Успенского корпуса, которые занимали инспектор Академии архимандрит Иларион, его помощники — игумен Иосиф, эконо́м и служители и где проводились какие-то спевки духовного характера.

13 августа А. Ф. Волков напомнил архимандриту Илариону просьбу комиссара Электрокурсов освободить занимаемые им помещения.

8 октября 1919 г. комиссар Лавры предписал архимандриту Илариону освободить «верхние помещения; помещение же канцелярии Академии освободить — как только будет подыскано помещение для нее в другом месте» (ЦГАМО. Ф. 2609, 1, 10. Л. 21, 24, 29).

хов из Лавры они — в частности, Варфоломей и Вассиан, стоявшие во главе академического храма, — устроились на частной квартире в доме наследников покойного проф. МДА П. С. Казанского. После закрытия храма в Чертогах его церковному совету была передана часть ризницы и икона Покрова Божией Матери¹¹².

Вскоре архимандрит Иларион, иеромонах Иоасаф и протоиерей Д. В. Рождественский уехали в Москву¹¹³.

В академической библиотеке иногда можно было встретить <М. М.> Тареева, <П. А.> Флоренского, <С. С.> Глаголева и особенно часто Евгения Воронцова¹¹⁴, ясную и спокойную жизнь которого, как книжного затворника, нарушили революция и закрытие Академии... «Исчезла обеспеченность... Надо было выйти из ученого затвора и окунуться в повседневную жизнь... все это потрясающе подействовало на него, — сообщает С. А. Волков. Летом и осенью 1919 г. он бродил по улицам Посада, небрежно одетый в один подрясник, часто с раскрытой головою; подобно “человеку из земли Уц”¹¹⁵, он о чем-то размышлял и разговаривал сам с собою. Он производил впечатление помешанного... Но кризис разрешился. Воронцов почувствовал тщету всего земного. Мысли и настроения Экклезиаста всецело овладели им. Он разочаровался в своей науке, находя, что она нужна лишь узкому кругу специалистов, тогда как душа человека требует иного знания... Он роздал свою богатую библиотеку своим ученикам. Книги по ориенталистике — Соколову, впоследствии, кажется профессору Ленинградского университета, гебраистику — архим. Вассиану (Пятницкому). Чаще стал бывать в академическом храме... состав чтения его изменился. Вместо филологических, исторических и археологических монографий и талмудических трактатов он уже брал творения отцов Церкви, сочинения мистиков, философов, богословов, а затем без конца книги по астрономии, геологии, биологии, антропологии и социологии... Вме-

¹¹² Подробнее см. в разделе, посвященном храму (там же).

¹¹³ Волков 1964. С. 209.

¹¹⁴ Там же. С. 240–250.

¹¹⁵ Ср.: Иов. 1, 1. Имеются в виду облеченные в поэтическую форму размышления Иова о горечи и непостижимости жизни. Сам характер сравнения связан с ориенталистскими интересами о. Евгения Воронцова. — Ред.

сто целой квартиры (в 4-м Доме Советов, как стал называться последний дом, построенный Лаврой), которую он раньше занимал один со старушкой-домоправительницей (он был целибат), у него была только теперь одна маленькая комната, метров в 10... Часто у него бывал студент последнего (77-го) курса Борис Когтев, из богатых сергиевских купцов, и помогал о. Евгению продовольствием...»¹¹⁶.

В речах о. Евгения, по словам С. А. Волкова, «были скорбные мысли Иова, горькая мудрость Когелета — то же отчаяние и разочарование в человеческих силах и особенно в знании... Затем его сильно волновала мысль о необходимости биологически и антропологически обосновать и тем самым как бы “оправдать” религию в глазах современных людей. Не думаю, чтобы он стал вполне православным и церковным человеком... Скорее всего, он оставался теистом в самом глубоком смысле, а в Православии видел конкретную форму выявления духовных и душевных сущностей. Его проповеди в Пятницкой церкви поражали своей необычностью, даже парадоксальностью. Они были глубоки и очень интересны... Многие ригористы находили в них ереси и соблазны»¹¹⁷.

...О своих планах на 1919 год он писал в Совет Академии в 1919 г., что помимо вышеупомянутых нами трех научных работ он мог бы прочитать лекции по археологии культа и быта, но по состоянию здоровья просил, чтобы лекции состоялись в Посаде¹¹⁸. Наверно поэтому его не привлекли к чтению лекций в Москве, о чем у нас речь впереди, и лишь позже в 1923—1924 гг. Е. А. Воронцов принял, очевидно, приглашение прочитать курс лекций в открывшейся тогда Московской богословской академии (обновленческой)¹¹⁹, возглавленной архим. Евдокимом (Мещерским).

¹¹⁶ Ср.: Волков 2000. С. 130—132. — Ред.

¹¹⁷ Ср.: Волков 2000. С. 132, 131. — Ред.

¹¹⁸ См.: ЦГИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5040, даты нет.

¹¹⁹ См.: Христианин. 1924. Июнь. № 1. С. 25—26. В другом месте С. А. Волков сообщает, что о. Евгений не собирался ездить в Москву в Академию или в Румянцевский музей, где ему предлагали даже быть заведующим отделом восточных книг и рукописей (Волков 2000. С. 132—133. Из воспоминаний видно, что о. Евгений сам рассказывал об этом С. А. Волкову. — Ред.).

В отношении С. С. Глаголева С. А. Волков упоминал, что хотя в связи с закрытием Академии жизнь профессора надломилась, но «не столь болезненно и трагично», как у Воронцова. «Ее переселение в Москву и недолговременное, в течение 1919/20 сокращенного учебного года, скитание по московским монастырям в чаянии более постоянного убежища нарушили его привычную жизнь профессора¹²⁰. Некоторое время он продолжал принимать живое участие в делах Всероссийского Церковного Собора, но потом, в связи со сложившимися тяжелыми обстоятельствами и общей и личной жизни¹²¹, он как-то отошел от церковных дел... Религия его интересовала, главным образом, как предмет богословского, философского и исторического изучения, а не как область практики... Официальное положение ординарного профессора Академии удерживало его в свое время в определенных рамках, и его ирония и скепсис не переходили пределов салонного и кабинетного остроумия. Теперь же... он позволял себе многое высказывать правдиво и при этом очень резко перед своими слушателями-гостями. Злой и насмешливый язык его не щадил никого. Доставалось и гражданским, и духовным деятелям... безжалостно и едко колол их своей иронией, но надо сказать, что эта ирония никогда у него не распространялась на самые положения веры. Он смеялся над людьми, их глупостью или подлостью, над нелепыми делами и словами... Иногда у него прорывались высказывания в духе теизма или агностицизма, но он тут же добавлял “возможно, что я заблуждаюсь”.

¹²⁰ В Москве С. С. Глаголев преподавал, очевидно, и позже, в 1923–1924 гг. по крайней мере, иначе об этом не знал бы Н. П. Педашенко.

В записке от 7/20 января 1919 г, поданной архим. Илариону, исполнявшему за отъездом на 2–3 месяца протоиерея А. П. Орлова обязанности ректора, С. С. Глаголев выражал «готовность работать во всех примерно предложенных родах деятельности применительно к потребностям современности» и предлагал чтения по темам:

- 1) основные вопросы религиозной веры (20 лекций),
- 2) атеизм в прошлом и настоящем (4 лекции),
- 3) Церковь как царство счастья (4 лекции) (см.: ЦГИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5047. Л. 80).

¹²¹ С. А. Волков имеет, очевидно, в виду то, что его жена Людмила Николаевна, преподавательница в Академической школе-приюте в 1907–1915 гг., покинула его и Посад и уехала в Вологду, на родину. Возможно, причиной разлада была подверженность С. Глаголева «русскому недугу».

Энергичный и бодрый, несмотря на немолодые уже годы, он старался найти для себя место в современности. Вскоре в Сергиевом Посаде организовался Институт народного образования, и Глаголев стал его заведующим. В нем он сгруппировал около себя много умных и талантливых людей: П. А. Флоренского, М. М. Тареева и П. В. Нечаева — из Академии, бывшего попечителя Московского Учебного Округа А. Тихомирова, переводчика “Многообразия религиозного опыта” Джемса — М. Н. Шика и его жену Н. Д. Шаховскую, И. Ф. Огнева (из Московского университета) и других. Но они, как и сам Глаголев, недолго удержались в Институте. После этого Глаголев некоторое время был преподавателем математики на Электрокурсах, помещавшихся в здании Академии, потом — в железнодорожной, а затем и в общеобразовательной школе 2 ступени»¹²². Такова была деятельность проф. С. Глаголева в 20-х гг.

М. Тареев оставался до переезда в Москву в 1927 г. в Посаде, где, как было сказано, одно время он преподавал в Институте народного образования. В основном же занимался дома интересовавшими его вопросами христианской философии и педагогики. К сожалению, его рукописи, очевидно, безвозвратно погибли из-за небрежного их хранения в его семье, особенно его рукопись по истории русского богословия, которая в январе 1919 г. была, по его словам, почти готова к печати. Тогда же он извещал и. о. ректора о том, что «он готов прочитать общедоступные лекции или систематические курсы на темы: а) краткая система русского богословия; б) о церковности; в) о социализме; г) апологию христианского мировоззрения или д) философию счастья; либо принять участие в подготовке брошюр апологетического содержания или в составлении богословского словаря»¹²³.

В Москве же, на академических курсах, М. Тареев не преподавал.

В Посаде, помимо Е. Воронцова, С. Глаголева, М. Тареева, оставались в 20-е гг. еще о. Павел Флоренский, П. В. Нечаев, К. М. Попов, Д. И. Введенский и иеромонах Варфоломей (Ремов), вскоре, однако, переехавший в Москву.

¹²² Ср.: Волков 2000. С. 145–146. — Ред.

¹²³ См. его личное дело в: ЦГИАМ. Ф. 229. Оп. 4.

Об о. Павле Флоренском, читавшем первое время на академических курсах в Москве и, вероятно, в Даниловском монастыре у еп. Феофора и сотрудничавшем в Комиссии по охране Лавры, а также ряде государственных научных учреждений, см. в «Богословских трудах», № 23¹²⁴, и у С. А. Волкова.

П. В. Нечаев сотрудничал с С. С. Глаголевым в Институте народного образования, а затем до 1923 г. в Сергиевском педагогическом техникуме, где преподавал психологию и логику.

Д. И. Введенский, как пишет С. А. Волков¹²⁵, быстро переквалифицировался и стал заниматься промысловой кооперацией по части игрушек, ему «не требовались книги из фундаментальной академической библиотеки и для его личных интересов».

5. «Траурные события»

Прежде чем перейти к истории Академии в Москве, отметим траурные события, случившиеся в среде, увы, уже постепенно распадавшейся академической корпорации. Ввиду общей разрухи и прекращения издания «Богословского вестника» обстоятельства смерти и погребения и мест захоронения многих из профессоров и сотрудников Академии остались неизвестными. В большинстве случаев причиной, вызвавшей или ускорившей смерть, были голод, истощение организма, сыпной тиф и другие болезни.

В 1918 г.:

13 января (н. ст.) в 7 часов утра на 71-м году скончался заслуженный профессор Академии, член-корреспондент Академии наук и депутат IV Государственной думы Николай Федорович Каптерев. Отпевание совершено в академическом храме. Погребен Николай Федорович на Вознесенском кладбище¹²⁶.

¹²⁴ Андроник (Трубачев), и.-д. К 100-летию со дня рождения священника Павла Флоренского (1882–1943) // БТ 23. 1982. С. 264–279; Он же. Указатель трудов священника Павла Флоренского (1901–1982) // Там же. С. 280–309. — Ред.

¹²⁵ Волков 1964. С. 94–96, 269.

¹²⁶ Его останки при ликвидации кладбища, насколько помнится, были перенесены на другое кладбище. В отпевании (15 января) участвовали: Ректор, проректор (Ила-

23 марта (н. ст.)¹²⁷ на 70-м году жизни скончался другой заслуженный профессор и член-корреспондент Академии наук Григорий Александрович Воскресенский, покинувший Академию весной 1905 г.

1 мая вдали от родных мест, в возрасте всего 31 года на Новом Афоне от чахотки скончался преподаватель Патрологии по 2-ой кафедре иеромонах Пантелеимон (Успенский), уехавший туда на лечение в октябре 1917 г.

20 декабря¹²⁸ на 70-м году жизни скончался заслуженный профессор Василий Александрович Соколов, ушедший из Академии еще в 1905 г. и затем работавший в ведомстве императрицы Марии Федоровны преподавателем в Воспитательном доме в Москве¹²⁹. Отпет в церкви Успения на Остоженке.

В 1919 г.:

21 января в Посаде в возрасте 46 лет скоропостижно (от заворота кишок) скончался помощник Инспектора и исполнявший обязанности помощника секретаря Совета и Правления Валентин Дмитриевич Металлов¹³⁰. Отпет, очевидно, в академическом храме и погребен на академическом кладбище.

рион), игумен Варфоломей и священники Рождественской и Вознесенской церквей. Перед отпеванием ректор сказал речь (шаблонно — отметил Д. Беляев). Профессоров было всего одна треть. На кладбище пошли немногие — было очень морозно (днем — 17, вечером — 24).

¹²⁷ У В. Н. Бенешевича в его «Скорбной летописи» (см.: Русский исторический журнал. 1921. № 7) приводится, вероятно ошибочно, другая дата — 18 июля.

¹²⁸ В. Н. Бенешевич указывает 19 декабря.

¹²⁹ Свой дом в Посаде Соколов при переезде в Москву продал проф. П. И. Цветкову, супруга которого организовала в этом помещении частную женскую прогимназию. Этот дом на Комсомольской улице [№ 19?] до сих пор цел. См. план в: Голубцов С., *протодиаг.* Московская духовная академия дореволюционного периода. Т. 1. Ч. 1. Приложение. Альбом чертежей и планов. М., 1982. Ф. 23 (машинопись).

¹³⁰ По словам А. Беляева, он умер в Земской больнице после 2-х сложных операций от заворота кишок. Приходился племянником известному магистру-археологу, московскому священнику. На погребении 23 января были архимандрит Иларион, Варфоломей, Глаголев, Введенский, библиотекарь Попов, Евгений Воронцов, эконом Всехсвятский и 2–3 студента. — *Авт.*

Я. Бойков посвятил В. Д. Металлову некролог, написанный в прозе и стихах. См. ниже публикацию: *Сщмч. Яков Бойков*. Страницы из «академического дневника» за 1919 г. С. 836–837. — *Ред.*

30 мая в 8 часов 15 минут утра в возрасте 54 лет на своем посту скончался бывший врач Академии и Вифанской семинарии Сергей Николаевич Успенский по мнению А. Беляева лучший посадский врач, чей «надорванный организм не вынес тяжкой формы заболевания (сыпным тифом), так как он работал в такой обстановке, когда не заразиться было чудом», как сказано в некрологе¹³¹.

В ночь со 2 на 3 июля у себя на родине в селе Леонтьеве¹³² Ярославской губернии в возрасте 68 лет скончался заслуженный профессор церковного права Николай Александрович Заозерский. Очевидно, он там же и был погребен.

25 декабря¹³³ в возрасте всего 51 года умер от сыпного тифа и воспаления легких в тяжелых материальных условиях профессор по кафедре Истории русского раскола Московской Академии и профессор (с 1 октября 1918 г.) Московского университета Николай Васильевич Лысогорский. Погребен на кладбище Скорбященского монастыря.

В 1920 г.:

2 февраля¹³⁴ на 71-м году жизни скончался заслуженный профессор Академии по кафедре Догматического богословия Александр Дмитриевич Беляев, ушедший из Академии на пенсию в 1911 г. и возвратившийся в нее в 1918 г.

15 марта в возрасте 60 лет оборвалась жизнь еще одного профессора Академии и Московского университета Александра Ивановича Алмазова.

¹³¹ См.: Трудовая неделя. СП, 1919. № 24 (47).

¹³² Согласно архивным данным К. М. Попова.

¹³³ Дата указана по К. М. Попову. Н. В. Бойцов приводит другую дату — 6 декабря 1918 г. В. Н. Бенешевич называет неопределенно 1920 год.

¹³⁴ Дата приведена по К. М. Попову, но в то же время в одном месте у меня помечено, что это по старому стилю. Так ли это? В. Н. Бенешевич указывает другую дату — 29 октября 1919 г. (Русский исторический журнал. 1921. № 7. С. 229–261).

II. АКАДЕМИЯ В МОСКВЕ В 1920-Х ГОДАХ

1. Письменные и устные свидетельства

После прекращения деятельности Московской духовной академии в Сергиевом Посаде (весной 1919 г.) из-за перехода ее помещений в ведение Военной электротехнической академии и «красно-курсантов», Совет МДА решил перенести ее деятельность в Москву, где легче было подыскать помещения для чтения лекций. По вопросам организации Академии в Москве было, по-видимому, не одно заседание ее Совета. Об одном из них упоминается в письме от 10 июня 1919 г., которое было направлено в Академию профессором В. П. Виноградовым. Извиняясь за невозможность быть на заседании Совета 11 июня из-за неотложной операции руки по случаю заражения крови, он вносит свои предложения по сохранению жизнедеятельности Академии:

1. Сохраняя юридически свое пребывание в Посаде, Академия временно переносит свои занятия в Москву.
2. Академия содержится на взносы слушателей в размере 300 руб. с каждого, что составит около 60 тыс. руб. в год при 200-х слушателях.
3. Преподавателям устанавливается полекционная зарплата.
4. Учебные планы должны быть максимально сокращены.
5. Необходимо образование специальной комиссии по организации этих курсов в Москве.
6. Согласен участвовать в этой комиссии¹³⁵.

Действительно, именно 11 июня и была организована Комиссия из профессоров Академии, как предлагал В. П. Виноградов. Председательствовал в Комиссии ректор-протоиерей А. П. Орлов. Комиссия подыскала было помещение. Было отпечатано (типографским способом) и объявление о переносе деятельности Академии в Москву и о начале учебного года с 27 сентября 1919 г., при этом сообщались лишь адреса ректора Академии — протоиерея А. П. Орлова: М., Арбат,

¹³⁵ ЦГИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5058. Л. 30–31.

Спасо-Песковская площадь, д. 1, кв. 1, — и помощника ректора (фамилия не указывалась): М., Сретенка, д. 27–29, кв. 1¹³⁶. Комиссия из профессоров МДА по организации чтения лекций в Москве в начале октября 1919 г. предложила ограничить число предметов до десяти и ввести предметную систему оплаты профессоров¹³⁷. Но в Москве сразу найти просторное помещение, достаточное для Академии, оставшейся, практически, без всяких средств к существованию и не пользовавшейся, очевидно, никакой субсидией, оказалось невозможным, также не на что было содержать ни канцелярии, ни профессоров. Кроме того нужно отметить, что все канцелярские служащие Академии жили в Сергиевом Посаде во главе с Ник. Дм. Всехсвятским; их также не на что было содержать. По выражению покойного С. А. Волкова, Академия после 1919 г. напоминала «бедствующий остров». От этого московского периода деятельности «старой» Академии не осталось почти никаких официальных документов (или, по крайней мере, они не найдены). Но что этот период существовал, об этом есть бесспорные свидетельства, как письменные, так и большей частью устные, увы, немногих свидетелей тех лет, которых еще застал автор настоящей работы, среди них были и слушатели, и преподаватели.

Среди письменных свидетельств отметим:

- а) «Доклад Совету Академии Комиссии по организации в Москве учебных занятий в 1919/20 учебном году», где предлагаются принципы построения учебных курсов, оплаты профессоров и административного аппарата¹³⁸.
- б) Диплом кандидата богословия, выданный К. М. Попову решением Совета Академии от 9 февраля 1922 г. за подписью

¹³⁶ Т. е. указывался адрес церкви Троицы на Листах (см., напр., «Сорок сороков»), где служил прот. Вал. Ник. Страхов. Таким образом, он упоминался здесь впервые как помощник Ректора, хотя в Сергиевом Посаде таковым являлся архимандрит Иларион.

¹³⁷ Подробнее см. в приложении «Доклад комиссии...».

¹³⁸ А также решения Совета МДА и Указы ВЦУ и Синода во главе с Патриархом по этим вопросам, которые обнаружены позднее, в 1988 году. См.: *Голубцов 1988*. С. 246–250.

- ректора — прот. А. П. Орлова, проректора З. К. Страхова и и. о. секретаря Совета — В. Н. Страхова, подтверждает, что В. Н. Страхов с начала московского периода занял должность проректора (вместо архимандрита Илариона, который, очевидно, был обязан жить при монастыре, но лишь приезжал читать лекции). Документ говорит и о том, что имели место заседания Совета, что велись хотя бы краткие протоколы решений Совета, что ректором оставался А. П. Орлов. От профессоров подписан: И. В. Поповым, М. М. Богословским и С. И. Соболевским.
- в) В архиве Патриархии в деле «Списки священнослужителей по епархиям 1932/44» среди служивших в храме преподобного Пимена упоминается прот. Стефан Маркович Марков, который, как сказано в этом деле, «прослушал курсы богословия МДА в 1924 г.».
- г) У А. А. Шостьиной находятся два документа, выданные ее матери, удостоверяющие, что муж последней А. П. Шостьин служил в Академии, где преподавал педагогику. Справки даны на предмет предоставления Шостьиной пенсии по линии социального обеспечения. Эти документы подписаны Вл. Ник. Страховым как проректором Академии, скреплены печатью старой Академии (со стертым гербом) и датируются 10 января 1927 г. и 8 апреля 1927 г.
- д) В архиве Флоренских есть документ — прошение о. Павла Флоренского на имя Святейшего Патриарха Тихона, очевидно, не поданное, от 8 сентября 1924 г. об освобождении его от академических занятий со студентами. Причиной послужило какое-то его столкновение с ректором-протоиереем Владимиром Страховым, который, по словам о. Павла, «только полупризнается (ректором. — С. Г.) ради мира, а на самом деле подлежит расследованию после изгнания преосвященного Феодора». В 1926 г. о. Павел рассматривал кандидатскую работу священника церкви «у Соломенной сторожки» в Москве — о. Василия Надеждина «О природе символа в произведениях новейших русских писателей — Андрея Белого и Вячеслава Иванова». Правда, подана работа ректору Николаю Чукову (будущий

Ленинградский митрополит Григорий), который, как известно, в 1923–1928 гг. был ректором Ленинградских богословских курсов¹³⁹.

Среди устных свидетелей, ныне покойных, упомянем:

1) протоиерея Бориса Уткина; 2) Владимира Ивановича Смирнова (из храма святого пророка Ильи Обыденного); 3) Макария Никифоровича Гончарова (старосты того же храма); 4) протоиерея Николая Педашенко, преподававшего очень немного на этих курсах по протекции И. В. Попова, знакомого ему по Московскому университету; 5) Ив. Ив. Шапошникова, друга о. Владимира¹⁴⁰. Возникает вопрос, почему о московском периоде Духовной академии почти ничего не знал ее мемуарист — С. А. Волков, лично общавшийся с некоторыми из ее профессоров? Ответ мы видим только в одном, что ему не особенно, может быть, доверяли, поскольку, как он сам пишет, кто-то распустил ложный слух, что он является родственником комиссара Лавры А. Волкова, у которого ему приходилось бывать по делам переселения Академии и храма, и ему «тогда немало досаждали посадские знакомые и просто прихожане храма — не родственник ли он?», тем более что именно С. А. Волков был назначен заведующим второй городской общедоступной библиотеки, в которую была превращена бывшая студенческая библиотека, находившаяся последнее время в двух нижних залах фундаментальной. Это назначение также, очевидно, насторожило профессоров. И, наконец, третье соображение, которое могло иметь место, это то, что С. А. Волков, человек исключительной начитанности и знаний, к тому же поставленный у книжных сокровищ, ничего не мог бы для себя особенного почерпнуть на тех довольно-таки краткосрочных и неустойчивых курсах, в которые выродилась Академия в Москве, хотя он закончил лишь 2 курса.

По воспоминаниям бывших воспитанников МДА этого периода, лекции читались в следующих местах:

¹³⁹ Сведения об о. Павле предоставлены о. Андроником Трубачевым.

¹⁴⁰ См. о них в машинописном некрологе С. А. Г. «Протоиерей Московского храма Ильи Обыденного, Вл. Ив. Смирнов», составленном автором этого труда.

1. В церкви Грузинской иконы Божией Матери (она же церковь святой Троицы в Никитниках — ныне музей, памятник архитектуры); настоятелем был выпускник МДА 1908 года о. Сергей Голощапов, который предоставил высокие подклети своего храма в качестве аудитории для слушателей Академии. По воспоминаниям Н. С. Педашенко, здесь читали лекции (в начале 20-х годов, по-видимому, до 1924 г., когда началась реставрация храма и службы прекратились) Варфоломей (Ремов), С. С. Глаголев, архим. Иларион (Троицкий), И. В. Попов, священник В. Н. Страхов, священник П. А. Флоренский, проф. И. П. Четвериков (бывший проф. Киевской духовной академии), Н. С. Педашенко, А. П. Орлов. Конечно, не все указанные лица читали здесь столь долго, некоторые — лишь первые годы.

2. В храме Святой Троицы на Листах (на Сретенке, 27–29), где настоятельством прот. В. Н. Страхов — проректор МДА.

3. В храме Иоанна Воина на Божедомке близ Екатерининской площади (ныне пл. Центрального дома Советской Армии).

4. В зале 2-го этажа дома на углу Мясницкой (теперь ул. Кирова) и Златоустовского переулка (ныне Пионерской), где потом был магазин «Фарфор».

5. На квартире проф. И. В. Попова в Денежном переулке, д. 15 (теперь улица Веснина).

6. В Высоко-Петровском монастыре во время настоятельства там епископа Варфоломея (Ремова). Впрочем, здесь в начале 20-х годов читалось всего 3–4 предмета, и, как кажется, больше для духовных детей о. Варфоломея, стремившихся получить богословскую подготовку, нежели для студентов МДА. Ф. И. Уделов в своей книге о Павле Флоренском упоминает об этом монастыре как о помещении, где в «1921 г. на короткое время начала опять функционировать Московская Духовная Академия» и где он слушал о. П. Флоренского. Такого рода замечание Ф. Уделова говорит, с одной стороны, о том, что он не знал, возможно, о богословских курсах, читаемых в других местах Москвы, или, с другой стороны, возможно, о каком-то официальном утверждении Академии в стенах Петровского монастыря и, стало быть, о перемещении сюда, вероятно, целого ряда академических курсов на какое-то время.

Ив. Ив. Шапошников († в августе 1985 г.), посещавший иногда эти курсы, утверждает, что они были примерно в 1922–1924 гг., но не позже, и что сам епископ Варфоломей не читал, а читали прот. Владимир Страхов (из церкви Троицы на Листах), проф. Ив. Вас. Попов, архим. Иларион, прот. Анатолий Орлов.

*2. Отчет о состоянии Московской духовной академии
за 1919/20 и 1920/21 уч. г.*

Достоверные сведения об Академии в Москве стали известны лишь в 1986 г., когда был опубликован «Отчет о состоянии Московской духовной академии за 1919/20 и 1920/21 <уч.> г.»¹⁴¹.

Далее с небольшими изменениями помещаем сведения из этого отчета.

1) Начало и место академических занятий

После целого ряда организационных собраний и мероприятий Исполнительная комиссия под руководством о. А. П. Орлова смогла открыть Академию в Москве.

Перед началом занятий в 1919/20 уч. г. был отслужен 27 сентября / 10 октября в Князе-Владимирской церкви Епархиального дома молебен, который совершил Его Святейшество Святейший Патриарх Тихон. Занятия до ноября проходили в помещении Усачевской биржевой артели (Мясницкая, д. 8). 1 октября 1919 г. был отпразднован годичный академический акт в присутствии Его Святейшества Святейшего Патриарха Тихона, членов Священного Синода и Высшего Церковного Совета и представителей столичного духовенства. С ноября 1919 г. академические лекции происходили в новом помещении названной артели — в Спасо-Глинишевском переулке, д. 4. Вследствие закрытия Усачевской биржевой артели Академия с весны 1920 г. перенесла свои занятия в Епархиальный дом, где они проходили до августа 1920 г. В 1920/21 уч. году академические занятия происходили с октября по 15 мая с перерывами на рождественские и пасхальные каникулы сначала в храме святого Иоанна Воина на Божедомке, а с 1-го января 1921 г. — в храме Святой Троицы на Листах. Со 2/15 августа

¹⁴¹ См.: ВРХД 147. 1986. С. 196–205.

того же года Московская духовная академия помешалась в Высоко-Петровском монастыре, и здесь, надо полагать, она находилась, может быть с некоторым перерывом¹⁴², до самого закрытия этого монастыря, которое последовало, согласно устному сообщению Николая Николаевича Милютина¹⁴³, где-то в 1927–1928 гг., когда монастырская община во главе с ее настоятелем епископом Варфоломеем перебралась на 1, 5–2, 5 года в церковь прп. Сергия в Козицком переулке на Б. Дмитровке (ныне Пушкинской улице), а оттуда — в церковь Рождества Богородицы в Путинках (теперь на улице Чехова). В двух последних местах, по словам Н. Милютина, лекций уже не было, хотя с общиной продолжали общаться некоторые бывшие студенты Академии. Это, конечно, не исключает, что деятельность Академии была продолжена в других местах, в частности в церкви Святой Троицы на Листах, где

¹⁴² Мы должны это предположить ввиду ранее приведенного утверждения И. И. Шапошникова, что занятия здесь были в 1921–1924 гг. Кроме того, как нам кажется, в отчете речь идет о перемещении основного, может быть «административного центра», Академии, что не исключает существования лекционных помещений в других местах.

¹⁴³ Николай Николаевич Милютин (род. в 1903 г.), окончил юридическое отделение ФОНа (при Университете) в 1924 г. В 20-е годы он посещал этот монастырь, где у него было много знакомых и друзей. Среди последних был Александр Александрович Эшлиман (кажется, дядя о. Николая Эшлимана) — студент МГУ и одновременно Московской духовной академии в Петровском монастыре. Все, что знал и запомнил Н. Н. Милютин, он получал со слов этого своего друга. Из преподавателей Николай Николаевич запомнил: епископа Илариона (Н. Завет), епископа Варфоломея (В. Завет), И. В. Попова (патристика), И. М. Громогласова (церковное право), П. А. Флоренского (апологетика?). Последнего Н. Н. Милютин здесь в Петровском монастыре не видал, а лишь слышал о нем, что он преподает.

Из учившихся Н<иколай> Н<иколаевич> запомнил только следующих лиц: И. Ширинского-Шихматова, 2) Андрея Безрукова, в монашестве Филарета, также подвергшегося репрессии и сосланного потом на Дальний Восток, 3) Б. И. Полянского, в монашестве Германа, погибшего потом в Соловках, 4) и <еро>-м<онаха> Алексия (Сергеева), ставшего потом епископом Курским, затем Кашинским, а тогда выполнявшего роль осведомителя, по мнению большинства членов Общины Высоко-Петровского монастыря, арестованных 21 февраля 1935 г., 5) уже упомянутого А. Эшлимана, родители которого, чувствуя, что надвигаются еще худшие времена, упросили патриарха Тихона запретить постриг этого молодого человека, который ушел на светскую работу и умер в 1985 г.

священствовал о. Владимир Страхов, возглавлявший Академию. Деятельность о. Владимира была пресечена в конце 1931 г., а Академия (или ее курсы) могли прекратить свое существование гораздо раньше.

2) Состав Академии

а) Почетные члены Академии

Ко второй половине 1918 г. почетными членами Академии состояли 45 лиц: 23 духовных и 22 светских. Из числа почетных членов Академия лишилась 16 членов: 1) Высокопреосвященного Агафодора, архиепископа Ставропольского; 2) Высокопреосвященного архиепископа Никона, бывшего Вологодского; 3) Высокопреосвященного Иоанна, архиепископа Рязанского; 4) Высокопреосвященного Алексия, бывшего Владимирского; 5) Высокопреосвященного Палладия, архиепископа Астраханского; 6) Преосвященного Мисаила, епископа бывшего Олонецкого; 7) Великой княгини Елисаветы Феодоровны; 8) заслуженного ординарного профессора Петроградской духовной академии Л. А. Катанского; 9) заслуженного ординарного профессора Московской духовной академии В. А. Соколова; 10) заслуженного ординарного профессора той же Академии А. Д. Беляева; 11) заслуженного ординарного профессора той же Академии Н. А. Заозерского; 12) протоиерея Н. Я. Фортинского; 13) заслуженного ординарного профессора Петроградской духовной академии И. С. Пальмова; 14) заслуженного ординарного профессора Казанской духовной академии Ф. А. Курганова; 15) заслуженного ординарного профессора Киевской духовной академии А. И. Петрова и 16) заслуженного ординарного профессора Петроградской духовной академии И. Г. Троицкого.

6/19 ноября 1920 г. академическим Советом избран в звание почетного члена Академии Высокопреосвященный Евсевий, митрополит Крутицкий, в уважение его долголетнего и плодотворного архипастырского служения Церкви Христовой.

К началу 1921/22 уч. г. почетными членами Московской духовной академии состояли 30 лиц: 17 духовных и 13 светских.

б) Служащие Академии. Перемены в их составе

К началу 1919/20 уч. г. на службе при Академии состояли: ректор Академии э.-орд. профессор протоиерей А. П. Орлов; проректор

э.-орд. профессор архимандрит (впоследствии епископ) Иларион; 9 ординарных профессоров (из них 1 заслуженный), 14 экстраординарных профессоров (из них 1 заслуженный и 6 — сверхштатных), один доцент, один и. д. доцента и один лектор. Прочих должностных лиц было два: исполняющий обязанности секретаря Академии и исполняющий обязанности эконома Академии. Сверх сего: 2 сверхштатных э.-орд. профессора (И. М. Громогласов и А. И. Покровский) и один доцент сверх штата (Д. Г. Коновалов) состояли членами академического Совета с правом решающего голоса. Всех служащих при Академии было 33 лица.

В личном составе и служебном положении состоящих на службе при Академии лиц за отчетные годы, помимо указанных выше¹⁴⁴, произошли следующие перемены.

Проректор Академии э.-орд. профессор архимандрит Иларион вследствие назначения его епископом Верейским, викарием Московской епархии, был освобожден от должности проректора Академии с 21 апреля 1920 г. На должность проректора Академии Советом в собрании 2/15 мая 1920 г. был единогласно избран и Высшим Церковным Управлением утвержден (указ от 19 июня / 2 июля за № 1791) э.-орд. проф. архим. Варфоломей, а затем вместо него (вследствие

¹⁴⁴ См.: Голубцов 1988. С. 249–250.

Из письма С. Глаголева Н. Гл-му от 23 июня 1920 г.:

«Умерло у нас с начала революции 10 человек: М. Д. Муретов, иеромонах Пантелеймон, Н. Ф. Каптерев, Г. А. Воскресенский, Б. А. Соколов, А. В. Ремезов, Н. В. Лысогорский, А. И. Алмазов, А. Д. Беляев. Остальные как будто живы. Недавно на мое имя Иверскою общиною было прислано 50 тысяч рублей профессорам и членам академической семьи. По подсчету у нас оказалось всего в Посаде 9 человек: Введенский Д. И., Воронцов Е. А., Всесвятский Н. Д., Лебедев Д. А., Нечаев П. В., Попов К. М., Тареев М. М., Флоренский П. А. Многие устроились в Москве. Некоторая часть (Россейкин, Туницкий, Смирнов) отброшена к периферии страны...

Цены у нас все растут, но все-таки у нас пока никто не умер с голоду... Арестован еп. Феодор. Причин ареста не знаю. Иларион наш стал епископом, но гастролирует в Москве... Библиотека наша цела. Значит, в сущности, и Академия» (Склярова 1994. С. 282).

От 27 июля 1920: «У нас пока жить можно — тепло, светло и дают кое-что из питания. Но надвигающиеся осень и зима заставляют задумываться» (Склярова 1994. С. 285).

назначения архим. Варфоломея епископом Сергиевским, викарием Московской епархии) на должность проректора Советом Академии в собрании 2/15 августа 1921 г. единогласно был избран и Высшим Церковным Управлением утвержден (сообщение от 21 августа / 3 сентября за № 1285) э.-орд. профессор протоиерей В. Н. Страхов.

На освободившуюся за смертью ординарного профессора А. И. Алмазова кафедру церковного права Советом Академии в собрании 21 апреля / 4 мая 1920 г. единогласно был избран э.-орд. профессором по названной кафедре и Высшим Церковным Управлением утвержден (указ от 21 июля / 3 августа за № 2154) член Высшего Церковного Совета, сверхштатный профессор Академии И. М. Громогласов.

На освободившуюся за смертью ординарного профессора Н. В. Лысогорского кафедру Истории и обличения русского раскола Советом Академии в собрании 12/25 мая 1920 г. единогласно был избран в звании и. д. доцента по названной кафедре и Высшим Церковным Управлением утвержден (указ от 19 июня / 2 июля за № 1791) кандидат богословия и профессорский стипендиат Академии 1909 г. епископ Никанор (Кудрявцев).

Определением Совета Академии от 12/25 мая 1920 г. постановлено было открыть при кафедре Библейской археологии и еврейского языка вследствие болезненного состояния э.-орд. проф. прот. Е. А. Воронцова две приват-доцентуры: одну по еврейскому языку и вторую по библейской археологии. Приват-доцентом по кафедре еврейского языка в том же собрании Совета единогласно был избран и Высшим Церковным Управлением утвержден (указ от 19 июня / 2 июля 1920 г. за № 1791) кандидат богословия и профессорский стипендиат Академии 1914 г. приват-доцент Петроградского государственного университета М. Н. Соколов.

Вследствие призыва исполняющего обязанности секретаря Совета игумена Иоасафа и исполняющего обязанности эконома Академии священника К. П. Любомудрова в тыловое ополчение исправление обязанностей казначея Академии поручено ректору Академии протоиерею А. П. Орлову, а исполнение обязанностей секретаря Совета — профессору (а впоследствии и проректору) прот. В. Н. Страхову.

Профессора Академии — протоиерей Д. В. Рождественский, Ф. М. Россейкин¹⁴⁵, Н. Л. Туницкий, священник А. М. Туберовский, священник И. М. Смирнов, Ф. К. Андреев и сверхшт. э.-орд. профессор А. И. Покровский вследствие их отъезда из Москвы участия ни в Совете, ни в чтении лекций не принимали.

Сверх того, к преподаванию в Академии с разрешения Высшего Церковного Управления были допущены следующие лица:

- 1) С. Г. Рункевич — по русской церковной истории,
- 2) прот. В. Металлов — по теории и истории церковного пения,
- 3) прот. Н. Г. Попов — по истории Византийской Церкви,
- 4) А. А. Покровский — по истории древнеславянской церковной письменности,
- 5) акад. А. И. Соболевский — по истории русского языка,
- 6) В. Т. Георгиевский — по истории христианского искусства и
- 7) свящ. С. И. Голощапов — по христианской систематической философии.

3) Деятельность Совета и Исполнительной комиссии

В течение отчетных лет Совет Академии имел 6 собраний: одно — торжественное 1 октября 1919 г., в день акта, и 5 обыкновенных. Последние были посвящены приему студентов и вольнослушателей, рассмотрению и утверждению программ и учебных планов, замещению вакантных кафедр, присуждению ученых степеней.

В степени кандидата богословия утверждены Советом Академии в 1919/20 г. 4 студента, а в 1920/21 г. — 8 студентов, окончивших полный академический курс.

Исполнительная комиссия за отчетные годы имела 23 собрания. Ее деятельность состояла в организации учебных занятий, в подыскании соответствующих помещений, в выработке учебных планов, в изыскании средств на содержание Академии.

¹⁴⁵ Не исключено, что они присоединились к корпорации в последующие годы, так же как С. Глаголев и Н. Д. Кузнецов или сторонние Академии лица: Николай Степанович Педашенко, выпускник Московского Императорского университета, читавший гражданскую историю в 1923 г., и Иван Пименович Четвериков, бывший профессор Киевской духовной академии по кафедре Психологии (по словам Н. С. Педашенко).

Учебные занятия в Академии за отчетные годы происходили следующим образом. В течение первого семестра 1919/20 уч. г. Академия вела преподавание по традиционной курсовой системе с подразделением студентов на соответствующие группы. Но затем, ввиду выяснившегося неудобства этой системы при крайнем малолюдстве студентов, так как некоторые группы состояли из 2–3 слушателей, Академия перешла к преподаванию по предметной системе. Лекции читались всем студентам без различия курса зараз, с таким расчетом, чтобы в течение 4 лет каждый студент имел возможность прослушать полный цикл академических наук. Принимая во внимание крайне тяжелые базовые условия, не благоприятствующие требованиям нормального академического образования, а также отсутствие некоторых профессоров, Исполнительная комиссия определила минимум того, что должен сделать студент Академии для получения степени кандидата богословия. Студент для этого должен прослушать и сдать экзамены по 14 общеобязательным предметам (Ветхий Завет — две кафедры; Новый Завет — две кафедры; основное богословие, догматическое богословие, нравственное богословие, пастырское богословие, гомилетика, литургия, общая церковная история, русская церковная история, церковное право, патрология) и 10 групповым предметам по выбору студентов из прочих наук, читаемых в Академии; написать 5 семестровых сочинений, четыре проповеди и кандидатское сочинение.

Применительно к этому общему плану преподавания в 1919/20 уч. г. при двух семестрах читались лекции: по Священному Писанию Нового Завета (1-й и 2-й кафедрами), по истории древней Церкви, по истории Русской Церкви, по церковному праву, по литургике, по нравственному богословию, по пастырскому богословию, по Священному Писанию Ветхого Завета (2-я кафедра), по библейской истории, по истории и обличению западных исповеданий, по еврейскому языку, по новозаветной филологии, по религиозной психологии, по славянской палеографии, по теории и истории церковного пения. В 1920/21 уч. г. при одном семестре (с октября по май) — по Священному Писанию Нового Завета (1-й и 2-й кафедрами), по патрологии, по истории христианского искусства, по систематической христианской философии, по истории древнеславянской церковной литературы, по истории Ви-

зантийской Церкви, по гомилетике, по истории и обличению западных исповеданий.

Средства на содержание Академия получала, с одной стороны, от высшей церковной власти в виде неперiodических субсидий, с другой — от тарелочного сбора по московским церквам, который, с благословения Его Святейшества, был произведен за богослужениями 14 сентября 1919 г. и 14 сентября 1920 г. В 1919 г. этот сбор дал 98 747 рублей. Установить сумму церковного сбора за 1920/21 уч. г. в настоящее время не представляется возможным вследствие ареста проф. В. П. Виноградова, заведовавшего (в качестве члена Московского епархиального совета) этим сбором. В 1919/20 уч. г. поступили в Академию пожертвования: от Святейшего Патриарха Тихона — 10 000 р., и в 1920/21 г.: от епископа Печерского, викария Нижегородского Варнавы — 3 000 р., от Высокопреосвященнейшего митрополита Евсевия — 50 000 р. и от Святейшего Патриарха Тихона — 200 000 р. Исполнительная комиссия разрабатывала смету, определяла способы приема, хранения и расходования сумм.

Особенную заботу Исполнительной комиссии составляло устройство «академических» всенощных как практической школы богослужения и проповедничества. Эти всенощные удалось организовать в 1920/21 уч. г. в храме святого Иоанна Воина на Божедомке. В служении этих всенощных и в проповедовании за ними Слова Божия принимали участие и профессора, и студенты.

4) Занятия наставников Академии

Занятия наставников состояли в чтении лекций по программам, представленным в начале учебного года и утвержденным Советом, в ведении практических занятий, чтении студенческих сочинений и проповедей.

Ректор Академии прот. А. П. Орлов в течение осеннего и зимнего семестра прочитал группе студентов 3 и 4 курсов: 1) об основных моментах развития русской богословско-исторической науки о католичестве; 2) о католическом догмате главенства и непогрешимости папы; 3) о Филиокве и о непорочном зачатии Богоматери; 4) о католической сотериологии. В течение весеннего и летнего семестров того же года

было прочитано общему курсу студентов Академии: 1) об основных исторических факторах Реформации; 2) о религиозно-реформаторском развитии М. Лютера; 3) о главнейших догматах лютеранства. В 1920/21 г. о. Ректором были введены практические занятия по истории и обличению западных исповеданий, каковые занятия состояли, с одной стороны, в чтении и разборе студентами рефератов по вопросам западно-христианской истории и идеологии, а с другой стороны, в чтении и комментировании символических книг католического и лютеранского исповеданий.

Проректор Академии протоиерей В. Н. Страхов в 1919/20 уч. г. прочитал студентам вводные сведения о жизни св. ап. Павла и его посланиях; в 1920/21 г. вел толкование 1-го послания к Коринфянам и по библейскому богословию прочитал об антропологии ап. Павла.

Проф. епископ Иларион прочитал в 1919/20 уч. г. историю новозаветного канона и текста, а в 1920/21 вел толкование Евангелий.

Проф. епископ Варфоломей в 1919/20 уч. г. читал о пророческих книгах Ветхого Завета.

Проф. протоиерей Д. А. Лебедев в 1919/20 уч. г. прочитал историю гонений на христиан и первых 4-х Вселенских Соборов.

Проф. Н. И. Серебрянский в течение зимнего семестра 1919/20 уч. г. прочитал о домонгольском и монгольском периоде русской церковной истории.

С. Г. Рункевич в течение летнего семестра того же года прочитал о главнейших явлениях русской церковно-исторической жизни синодального периода.

Проф. М. М. Тареев в 1919/20 уч. г. в зимнем семестре прочитал старый курс по христианской этике. Содержанием его было раскрытие общей идеи религиозной нравственности, распадающейся на две области: 1) духовная реальность (христианский опыт), которая служит предметом христианской философии, и 2) объективная (социально-историческая, в христианстве церковная) практика, которая составляет тему собственно этики. В свете этой идеи был затем рассмотрен в общих чертах весь план нравственного богословия. По всем основным вопросам этого богословия было показано расхождение между старой

схоластической наукой и новым русским богословием в лице его лучших представителей — еп. Феофана, еп. Иннокентия, протопресвитера Янышева и других.

Проф. Д. И. Введенский в 1919/20 уч. г. прочитал 1) начальную историю мира и человека по данным Библии и общей истории; 2) мир послепотопный; 3) историю Судей; 4) ветхозаветные пророчества в связи с историей Царей.

Проф. И. М. Громогласов в течение 1919/20 уч. г. прочитал об основах церковного строя, о церковном устройстве, об имущественном и внешнем праве Церкви.

Проф. П. П. Соколов по религиозной психологии в течение 1919/20 уч. г. прочитал о главнейших явлениях религиозно-душевной жизни человека в связи с новейшими исследованиями в области экспериментальной психологии.

Проф. протоиерей И. В. Гумилевский прочитал в 1919/20 уч. г. о культе вообще и о Литургии.

Проф. И. В. Попов в течение 1920/21 уч. г. прочитал о литературе мужей апостольских и христианских апологетов, кончая Оригеном.

Преподаватель В. Т. Георгиевский в том же году прочитал о древнехристианском искусстве, искусстве византийском до падения Константинополя и о древнерусской иконописи.

Проф. С. И. Соболевский в том же учебном году преподавал основные сведения по греческой этимологии и вел филологический анализ отрывков из Евангелий.

Проф. академик А. И. Соболевский в течение летнего семестра 1919/20 уч. г. прочел общий курс истории древнеславянского языка.

Преподаватель священник С. И. Голошапов в 1921/22 уч. г. прочитал гносеологию и о космологической проблеме.

Преподаватель протоиерей Н. Г. Попов в том же году прочитал о правовом положении Церкви в Византийском государстве, о религиозно-нравственном состоянии византийского общества, о духовном просвещении, о миссии, о борьбе Константинопольской Церкви с папством.

Преподаватель протоиерей В. Металлов в 1919/20 уч. г. прочитал курс истории богослужебного пения вообще и православно-русского в частности.

Приват-доцентом М. Н. Соколовым в том же году была изложена грамматика древнееврейского языка и прочтены библейские тексты из книг Бытия и Исхода по хрестоматии Коссовича.

Сосредоточивая свое внимание на учебном деле, наставники Академии в то же время занимались церковно-просветительной деятельностью. Так, ректор Академии протоиерей А. П. Орлов участвовал в нескольких религиозных диспутах в фабрично-рабочих клубах г. Москвы, провел ряд бесед на религиозно-общественные темы в различных московских храмах и в благочинническом собрании 1 и 2 отделений Пречистенского сорока прочел реферат на тему «Христианско-социальное движение на католическом и протестантском западе».

Проректор протоиерей В. Н. Страхов участвовал в нескольких религиозных диспутах на фабриках и в рабочих клубах г. Москвы и прочитал целый ряд публичных лекций на общую тему «Религия и коммунизм» в храме Святой Троицы на Листах и в других храмах г. Москвы, а также провел ряд бесед и на другие религиозно-общественные темы, например: «Наука и знание», «Православное учение о спасении», «Есть ли Бог», «Происхождение религии», «О мощах», «О воскресении Христа».

Особенно широкие размеры имела церковно-просветительная деятельность профессора епископа Илариона. Он принимал участие во многих религиозных диспутах на фабриках, заводах и в разного рода учреждениях, прочитал много публичных лекций на религиозно-богословские темы.

Проф. В. П. Виноградов прочитал публичные лекции во многих храмах г. Москвы.

Проф. И. М. Громогласов состоял членом Высшего Церковного Управления, равно как принимал участие в чтении лекций в храмах г. Москвы.

5) Состав учащихся, их учебные занятия и церковно-просветительная деятельность¹⁴⁶

В состав студентов Академии на основании § 16 «Временных правил для православных Духовных Академий» зачислялись без проверочных испытаний воспитанники духовных семинарий 1-го и 2-го разрядов и окончившие курс в высших светских учебных заведениях, а с обязательством выдержать дополнительные экзамены в течение первого академического курса — окончившие 4 класса духовных семинарий и светские средние учебные заведения (бывшие гимназии, реальные и коммерческие училища, кадетские корпуса и теперешние трудовые школы).

В 1919/20 уч. г. зачислено было 50 человек, из них 46 в качестве студентов и 4 — вольнослушателей. В 1920/21 уч. г. зачислено 30 человек: 25 в качестве студентов и 5 — вольнослушателей.

На втором курсе к началу 1921/22 уч. г. насчитывается 11 человек, на третьем — 11, на четвертом — 9. На первый курс в августе 1921 г. принято 65 студентов и 13 вольнослушателей.

Учебные занятия студентов состояли в слушании и усвоении лекций, участии в практических занятиях, писании семестровых и кандидатских сочинений, составлении проповедей. Ежедневно лекции читались пять дней, по 4 лекции каждый день; они начинались в 6 часов и заканчивались в 9 часов вечера. Чтобы оценить труд студентов для одного только посещения лекций, нужно иметь в виду следующее: почти все они должны были на советской службе проводить время от 10 до 4 часов. Затем, наскоро пообедав дома или же прямо от службы, они являлись в Академию и возвращались домой около 10—11 часов. Рассеянные по разным местам Москвы, некоторые на расстоянии одного часа и более ходьбы от Академии, они при отсутствии трамвайного сообщения должны были не только уходить, но и приходиться пешком.

¹⁴⁶ В архиве МДА сохранились списки студентов МДА 75 курса (1916—1920 гг.; 85 человек) и 76 курса (1917—1921 гг.; 105 человек), изданные типографским способом. Данные списки протодиаконом Сергием Голубцовым не упоминаются. — Ред.

3. Самые последние свидетельства

Последние достоверные, но весьма скудные сообщения об Академии относятся к октябрю 1922 г.: в письме от 17/30 октября епископ Зарайский Варфоломей (Ремов) сообщал епископу Илариону в Архангельск, где тот находился в ссылке, что 15 октября нового стиля (в воскресенье. — С. Г.) 15 студентов и преподавателей после Литургии «с чаем и самогоном отметили Академический праздник». Это были: Глаголев, Попов, Введенский, Соколов, Нечаев, Коновалов, Четвериков и Георгиевский, помимо, конечно, самого епископа Варфоломея и ректора отца Вл. Страхова. Упомянут среди собравшихся читать лекции протоиерей Дм. Лебедев («История Христианской Церкви») и епископ Никандр («История христианского богослужения»). Просили П. Лапина (из Казанской духовной академии) читать Догматику, но он, кажется, отказался.

Самый последний документ датируется 5/18 октября 1927 г. Это диплом об окончании Академии по первому разряду Василием Федоровичем Надеждиным, после окончания Московской духовной семинарии в 1916 г. поступавшего в МДА, в 1918 г. уехавшим в провинцию, в 1920 г. сдававшим экзамены, но предоставившим сочинение, очевидно, гораздо позже, т. к. решение о присвоении степени кандидата последовало 10–23 мая 1926 г. Диплом подписан: исполняющим должность ректора проректором протоиереем Вл. Страховым, ординарным профессором С. С. Глаголевым и С. И. Соболевским, э.-орд. профессором епископом Варфоломеем и священником Павлом Флоренским, причем фамилию последнего нельзя разобрать. За секретаря Совета — тот же В. Страхов. По данным И. И. Ковалевой, предоставившей нам этот документ, о. Василий был женат с 1921 г. и служил в церкви у Соломенной сторожки в Москве до 1929 г., когда был сослан в Кемь, где умер от тифа и гангрены 19 февраля 1930 г., оставив 5 человек детей.

В отношении истории МДА в Москве представляет некоторый интерес и доклад патриарху Тихону епископа Платона Руднева, епископа Богородского, от 1 октября 1923 г.

При служении моем в Никольском единоверческом монастыре при погребении епископа Богородского Никандра Кудрявцева († 30 октября

1923 г.) оказалось, что при данном монастыре состоит священник Сергей Голощапов, мне хорошо известный еще с Академии.

Св-к Голощапов окончил Академию 15 лет назад (1908 г.) профессорским стипендиатом, а затем состоял преподавателем Московской духовной семинарии и в настоящее время состоит преподавателем Московской духовной академии по кафедре Истории философии.

До сих пор он награжден лишь камилавкою.

Долгом считаю ходатайствовать о награждения его наперсным крестом.

23 ноября 1923 г.

Подписи еп. Платона

И. о. председателя Московского еп<архиального> совета

Члена еп<архиального> совета

И. д. секретаря¹⁴⁷.

Надо добавить, что священник Сергей Голощапов, очень возможно, был самым последним преподавателем МДА в Москве, так как его сын и одна из сотрудниц музея-храма в Никитниках считают, что в этом храме о. Сергей Голощапов служил в 1926—1928 (29) гг. и читал лекции студентам, по словам священника Николая Педашенко (но последний относил это к 1920—1923 гг.).

Заслуживает внимания и список должностных лиц «...особо послуживших делу восстановления нормального порядка церковного управления и церковной жизни с июня 1923 г. — времени освобождения Патриарха Тихона».

Среди них упомянут профессор Московской духовной академии протоиерей Илья Громогласов, награжденный палицей, о чем ему послано извещение 30 ноября 1923 г., и заведующий учебной частью прот. С. И. Г., награжденный митрой. Фамилия не прочитывается, но начинается буквой «Г». Предположить кого-либо иного не представляется возможным, кроме Голощапова¹⁴⁸.

¹⁴⁷ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 240. Л. 117.

¹⁴⁸ Там же. Д. 243. Л. 10, 18.

ЛИТЕРАТУРА

- Волков 1964* — *Волков С. А.* Воспоминания о Московской духовной академии, 1917–1920 гг. Загорск, 1964 (машинопись). Опубликовано: *Волков С. А.* Возле монастырских стен. М., 2000 (*Волков 2000*).
- Голубцов 1982* — *Голубцов С. А., протодиак.* Московская Духовная Академия дореволюционного периода: строительство и хозяйственно-экономическая деятельность Правления Академии (1870–1919 гг.): ист. исслед. Т. 1. Ч. 1. М., 1982 (машинопись).
- Голубцов 1988* — *Голубцов С. А., протодиак.* Московская Духовная Академия дореволюционного периода. Т. 1. Ч. 2: Уставы, жизнь и научная деятельность профессуры в Академии и вне ее. М., 1988 (машинопись).
- Склярова 1994* — *Склярова М.* Сосуд избранный. История Российских духовных школ в ранее непубликовавшихся трудах... СПб., 1994.